

история и современность

В. А. Дьяков

**Методология
истории
в прошлом
и настоящем**

В. А. Дьяков

**Методология истории
в прошлом и настоящем**

издательство 'мысль' москва

1974

история и современность

В. А. Дьяков

**Методология
истории
в прошлом
и настоящем**

**Главная редакция
социально-экономической
литературы**

Д $\frac{10601-251}{004(01)-74}$ 96-74

© Издательство «Мысль» · 1974

Оглавление

Стр.		
7		Введение
10	I	О предмете исторической науки и ее составных частях.
16	II	Методология истории на до-марксистском этапе ее развития.
28	III	Исторический материализм как теоретическая основа марксистско-ленинской методологии истории.
46	IV	Споры о месте истории в системе наук.
64	V	О закономерностях исторического процесса и поисках «смысла истории».

76	VI	Роль народных масс и личности в истории.
90	VII	Проблема истинности результатов познания в исторической науке.
102	VIII	Споры вокруг понятия «исторический факт».
117	IX	Узловые вопросы теоретического источниковедения.
140	X	Методологические проблемы на XIII Международном конгрессе исторических наук.
154	XI	История в век научно-технической революции.
183		Заключение.
187		Указатель имен.

Введение

Термин «методология» происходит от греческого слова «методос», что означает «путь исследования», «способ познания». Методологические проблемы имеют в каждой отрасли науки не только идейно-теоретическое, но и практическое значение. Ученым хорошее знание методологии позволяет решать стоящие перед ними задачи быстрее и лучше, преподавателям знакомство с ней дает возможность глубже и понятнее излагать свой предмет, а учащимся — сознательнее и полнее его усваивать.

Методология всей науки и частные методологии отдельных ее отраслей образуют единую систему, состоящую из взаимосвязанных друг с другом звеньев. Каждая из частных методологий отражает специфику данной научной дисциплины, но в то же время включает в себя и не может не включать важнейшие общеметодологические положения, относящиеся к науке в целом или к данной группе родственных научных дисциплин, например к об-

ственным, физико-математическим, геолого-географическим или биологическим наукам. Определенную часть методологических вопросов, связанных с познавательными приемами, которые присущи только данной отрасли науки, называют еще методикой и техникой исследования. Это оправдано с чисто практической точки зрения, но теоретически все элементы методологии науки должны рассматриваться как единая система. Любое противопоставление их друг другу необоснованно и может иметь отрицательные последствия.

Научная методология исследователя теснейшим образом связана с его мировоззрением, с тем, как он решает основные философские вопросы, прежде всего вопрос о материальности мира и познаваемости его закономерностей. Поэтому до тех пор, пока существуют коренные разногласия в этих вопросах, нельзя говорить о единой для всех методологии той или иной научной дисциплины. Единственно правильной и плодотворной научной методологией является в настоящее время методология, основывающаяся на диалектическом и историческом материализме. Методологические доктрины, создаваемые на любой иной теоретической базе, могут дать отдельные частные успехи, но в конечном итоге они неизменно приводят в тупик. Мы должны использовать методологический опыт, накопленный многими поколениями ученых. Но при этом ни в коем случае не следует забывать о том, что в методологии ничего, даже исследовательские приемы, нельзя заимствовать механически, без соответствующего критического пересмотра. Особенно важно помнить

об этом тогда, когда дело касается общественных наук, в частности истории.

За последнее столетие развитие исторической науки характеризуется все более широким распространением марксистско-ленинских идей, возникновением основанной на них методологии истории. Ее победному шествию не помешало появление многочисленных доктрин, тщетно пытавшихся опровергнуть важнейшие положения исторического материализма или существенно деформировать их ревизионистскими и иными «усовершенствованиями». Один из советских ученых, специально исследовавший этот процесс, сделал следующий вывод: «Можно без преувеличения сказать, что последние 100 лет в развитии буржуазной исторической науки объективно прошли под знаком двуединого, диалектически противоречивого процесса идейной борьбы против марксизма и одновременно усвоения той или иной части марксистских идей, пусть, как правило, в эклектическом соединении со взглядами, враждебными марксизму, и нередко с целью использования и того и другого против теоретических основ научного коммунизма»¹.

¹ *Е. Б. Черняк. Маркс и новейшие направления буржуазной историографии.* — «Маркс — историк». М., 1968, стр. 647.

I О предмете исторической науки и ее составных частях

Слово «история» заимствовано из греческого языка, где так называлось повествование о событиях, подвергшихся предварительному изучению. К XIX в. этот термин приобрел более широкий смысл: им стали пользоваться для характеристики всякого процесса развития в природе и обществе. «Мы знаем,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии»,— только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»¹.

В настоящее время столь расширительного толкования термина «история» почти не встречается. Теперь мы обычно пользуемся этим словом, во-первых, для обозначения про-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 16.

цесса развития человеческого общества, во-вторых, когда речь идет о науке, которая исследует этот процесс. В статье «Карл Маркс. «К критике политической экономии»», написанной в 1859 г., Ф. Энгельс, уточняя приводившиеся выше высказывания, писал, что «исторические науки суть те, которые не являются науками о природе...»². Историей называют ныне науку, которая всесторонне изучает прошлое человечества с целью познания закономерностей его развития, а также с целью выяснения того, как эти закономерности влияют на существующие общественные отношения и на будущее устройство общества.

Развитие человеческого общества в различных его аспектах является, как известно, предметом исследования не только для истории, но и для иных отраслей знания, которые лишь в совокупности могут дать действительно научное представление об обществе как развивающейся системе со всеми присущими ей закономерностями. В чем же специфика исторической науки, где ее границы с остальными общественными или гуманитарными науками?

Историческая наука изучает социально-экономическую, общественно-политическую и культурную жизнь общества во всех ее многообразных проявлениях и аспектах. Отдельные исследования могут быть посвящены и сравнительно узким темам, вычленяемым для специального изучения, но при этом ни в коем случае нельзя забывать о том, что предметом исторической науки является человеческое

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 491.

общество в целом. Причинные связи, обуславливающие исторический процесс на каждом его отрезке, настолько сложны и взаимосвязаны друг с другом, что при обособленном рассмотрении тех или иных событий историк не сможет подняться выше простой фактографии. Между тем наибольшую ценность представляют такие исследования, которые рассматривают исторические события не изолированно и описательно, но аналитически и на широком историческом фоне, такие работы, которые дают не только сводку фактического материала, но и все вытекающие из фактов обобщения. Именно они прежде всего входят в золотой фонд исторической науки, образуя прочную базу для широкого синтеза в масштабах всей марксистской науки об обществе.

Социальная функция исторической науки связана с предметом ее исследования. Совокупность фактов, обобщений и оценок, накапливаемых исторической наукой, удовлетворяет потребность общества в самосознании, причем история является одной из ведущих форм самосознания. Превратившись с появлением марксистско-ленинской теории в подлинную науку, способную вскрывать закономерности общественного развития, история приобрела возможность оказывать практическое воздействие на переустройство общества. Выводы исторической науки помогли увидеть неизбежность краха капиталистических порядков, обосновать непреложность процессов, ведущих к возникновению и развитию социалистической системы; эти выводы подтверждают закономерность движения человечества к коммунизму. Историческая наука извлекает из

прошлого уроки, полезные для подготовки предстоящих общественных усовершенствований, и потому ее практическая роль будет увеличиваться по мере того, как в ходе коммунистического строительства человечество будет все более овладевать подлинно научными методами управления общественным развитием³.

Историческая наука является областью знания со значительно развитой внутренней дифференциацией. Не утрачивая своей цельности, она разделяется на ряд отраслей и разделов, имеющих свою, иногда довольно значительную специфику.

Изучение развития человеческого общества в целом (всемирная история) складывается из частей, соответствующих формациям и эпохам, делится по пространственно-географическому принципу, по комплексным проблемам или по отдельным сторонам человеческой деятельности, по национальному и социальному признаку, по государственной принадлежности и т. п. Существуют, например: история первобытного общества, древняя, средневековая, новая и новейшая истории, история домонополистического капитализма и империализма, история СССР и история США, история скифов и история инков, история дворянства и история буржуазии, история крестьянства и история рабочего класса, история военного искусства и история медицины, история фабрик и заводов, история городов и сел,

³ Подробнее см.: «Исторический материализм как теория социального познания и деятельности». М., 1972; В. В. Иванов. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973.

история государственных учреждений или история учебных заведений. Многие из названных разделов исторической науки требуют определенных специальных знаний, не относящихся к истории. При всем том они являются частью исторической науки и не могут успешно развиваться, не пользуясь ее методологией, сделанными в ее рамках обобщениями и накопленным фактическим материалом.

Особое место в исторической науке занимают вспомогательные или специальные исторические дисциплины, исследующие различные виды источников и выработавшие свои собственные приемы исследования. К числу таких дисциплин относятся, в частности, источниковедение (теория и методика изучения и использования исторических источников); археография (вопросы издания письменных источников); палеография (история письма, закономерности развития его графических форм); дипломатика (изучение формы и содержания юридических, социально-экономических и других исторических актов); генеалогия (изучение происхождения родов, фамилий, составление родословий); геральдика (изучение гербов); метрология (изучение употреблявшихся в прошлом мер длины, площади, объема, веса); хронология (изучение существовавших ранее систем летосчисления и календарного отсчета времени); нумизматика (изучение истории монетной чеканки и денежного обращения по сохранившимся монетам и другим вещественным памятникам); сфрагистика (изучение печатей). Самостоятельными научными дисциплинами в группе исторических наук

являются археология и этнография, обособившиеся в связи с тем, что они имеют дело с такими видами источников, которые требуют специфической методики исследования.

Особо следует назвать историографию, которая изучает процессы становления и развития каждой из исторических дисциплин и исторической науки в целом. Изучая прежде всего процесс смены общих концепций исторического развития, историография учитывает, с одной стороны, влияние социально-экономических и идейно-политических сдвигов в обществе, а с другой — связь этих концепций с накоплением новых и освоением известных ранее исторических источников. Историографические исследования имеют свой предмет и свои задачи, но их основное содержание и важнейшие выводы дают ценнейший материал также для изучения методологии истории.

II Методология истории на домарксистском этапе ее развития

Интерес человечества к собственной истории возник очень давно, задолго до появления письменности. Исторические представления доклассовой эпохи отчасти отразились в дошедших до нас произведениях древнеиндийского и древнекитайского эпосов, в древнегреческих мифах, в «Илиаде» и «Одиссее». Следы этих представлений обнаруживаются в некоторых преданиях и былинах, возникших во времена Древней Руси, а отчасти и в более ранний период. Долгое время история относилась не столько к науке, сколько к литературе и искусству. Не случайно в греческой мифологии покровительницей истории считалась одна из девяти муз, изображавшаяся в виде молодой женщины с одухотворенным, полным мысли лицом и со свитком папируса или пергамента в руках. Имя музы истории — Клио произошло от греческого слова «прославляю», а первоначально она покровительствовала героической песне, была как бы провозвестни-

цей славы для тех, кто заслужил ее своими подвигами.

Появление классов и возникновение государства усилили общественную потребность в исторических знаниях, а изобретение письменности открыло возможность для их постепенного накопления. Огромное количество различного рода текстов, дошедших до нас от этого периода, свидетельствует о том, что их авторы, фиксируя события, стали все более целенаправленно отбирать факты, возвеличивающие подвиги правителей и оправдывающие действия тех, кто вместе с ними угнетал подвластные слои населения. Очень велико было влияние на исторические представления со стороны религиозной идеологии, что запечатлела, например, историческая часть Библии. В рабовладельческих государствах Древнего Востока и в Древнем Китае возникли и были усовершенствованы различные системы летосчисления, там зародилась и развивалась анналистика (летописание), появились такие формы исторических сочинений, как биография и автобиография.

Античная эпоха ознаменовалась весьма существенными сдвигами в историческом познании. Геродот, описывая предпосылки и ход греко-персидских войн, сознательно проводил определенную концепцию исторических событий, соответствующую идеологии афинской рабовладельческой демократии. При этом он анализировал собранные сведения и пытался провести четкую границу между фактами и вымыслом. Это был первый известный нам шаг в развитии критического отношения к историческим источникам. «История Пелопоннес-

ской войны» Фукидида, которая во многом может рассматриваться как вершина исторической мысли античности, характерна не только детальным описанием политического соперничества древнегреческих государств, но отчасти и пониманием значения классовых противоречий в каждом из них, разработкой отдельных элементов истории социально-экономических отношений. С появлением «Всеобщей истории» Полибия (II в. до н. э.) впервые появляется необходимость в понятии «всемирная история».

Римские историки Салюстий, Тацит и Плутарх, жившие несколько позже, содействовали усилению психологического аспекта в исторических описаниях. Они широко пользовались портретными характеристиками крупных исторических деятелей, видя в портретах важнейшее средство для описания эпохи. Особо следует отметить римского историка Аппиана (II в.). Ф. Энгельс в своем труде «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» счел необходимым выделить его среди тех, кто описывал социальную борьбу в недрах Римской республики, подчеркнув, что у Аппиана ясно и отчетливо говорится о земельной собственности как первопричине происходивших раздоров¹. Маркс также в одном из писем к Энгельсу отметил стремление Аппиана «докопаться» до материальной основы гражданских войн в римском государстве и с одобрением добавил: «Спартак в его изображении предстает самым великолепным парнем во всей античной истории»².

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 312.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 126.

В феодальном обществе религия являлась решающей идеологической силой; это тормозило развитие исторического познания, особенно в общеметодологических вопросах. Исторические сочинения эпохи феодализма рассматривали описываемые события с позиций провиденциализма, оценивая их как результат вмешательства небесных сил в земную жизнь; для их авторов ход истории был предопределен волей провидения не только в своем основном содержании, но и во всех более или менее значительных деталях. Совершенно очевидно, что прогрессивные тенденции, наметившиеся в трудах античных авторов, в частности у Фукидида и Аппиана, не могли получить в этих условиях своего дальнейшего развития.

Среди исторических сочинений раннефеодальной эпохи чаще всего встречались анналы и хроники на Западе, а на Руси — летописи (наиболее значительная из этих последних — «Повесть временных лет», датируется началом XII в.). Со временем появляется все больше «историй», в которых дается уже не хронологический реестр событий, но более или менее связное их описание. Появляются также историко-биографические сочинения с их наиболее распространенной разновидностью — житиями святых. В трудах багдадского историка IX—X вв. Табари возрождается идея всемирной истории, которая на этот раз воплотила совершенно иные, а именно феодально-религиозные воззрения. В Китае и некоторых странах Востока получили распространение так называемые династийные истории, которые там не выходили из моды вплоть до XIX в.

В ходе ликвидации феодальной раздробленности появились общегосударственные летописные своды, дававшие историческое обоснование процессу политической централизации. Примерами их могут служить «Большие французские хроники» XIII—XV вв., «Всеобщая испанская хроника» XIII—XIV вв. и относящиеся почти к тому же времени московские летописи XV—XVI вв.

Начавшийся кризис феодализма и первые шаги в развитии капиталистических отношений создали материальные и идейно-политические предпосылки для серьезных сдвигов в историческом знании. Ярче всего эти сдвиги проявились во взглядах западноевропейских ученых эпохи Ренессанса. Итальянские историки XIV—XVI вв. (Л. Бруни, Ф. Бьондо, Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини) и их единомышленники в Англии, Германии и Франции (У. Кемден, Я. Вифлеминг, Ж. Боден и др.) создали и развили направление, которое получило название «гуманистической истории». Суть их концепций сводилась к тому, что объяснение исторического процесса они искали не на небесах, а на земле, не в капризах провидения, а в человеческой природе. Идя по этому пути, некоторые из них пришли к выводу, что движущей силой истории является социально-политическая борьба, в которой огромную роль играют действия выдающихся личностей. На смену средневековым теориям о «непрерывности» существования Римского государства, преемниками которого объявляли себя многие феодальные владетели Европы, не исключая и московских царей, приходит трехчленная периодизация с выделением древ-

ней, средневековой и новой истории. При этом средневековые рассматриваются как период господства тьмы и несправедливости, а борьба за ликвидацию феодальных порядков прямо связывается с возрождением античной культуры и гуманизма (отсюда и название новой эпохи — Ренессанс, или Возрождение).

Существенные сдвиги произошли и в профессиональном оснащении историков. Гуманистическое направление истории требовало рационального объяснения событий и строгой доказательности изложения. Усилилось внимание к критике сохранившихся свидетельств о прошлом, а в исторических сочинениях стал появляться научный аппарат в виде ссылок на местонахождение источников, их воспроизведения или пересказа. Борясь против своих идейных противников, феодально-абсолютистская историография развернула источниковедческие изыскания в богатейших архивах светских и духовных владетелей. Результатом этого явилось возникновение таких вспомогательных исторических дисциплин, как дипломатика и палеография, а также появление обширных документальных публикаций, положивших начало археографии.

Буржуазные революции в Европе (XVII—XVIII вв.) сыграли огромную роль в становлении истории как науки. Это была эпоха решительной борьбы с феодально-религиозным мировоззрением во всех его проявлениях. Для мыслителей той эпохи характерны настойчивые поиски общих законов развития человеческого общества и попытки выработать научный подход к его истории. Большое влияние на формирование исторических воззрений

эпохи Просвещения оказывали, с одной стороны, острейшая социально-политическая борьба быстро крепнувшей буржуазии и трудящихся масс против господствовавшего феодально-абсолютистского строя, а с другой — теоретическое осмысление тех достижений, которых добились в то время естествознание и техника.

Английский мыслитель XVII в. Т. Гоббс подходил к объяснению истории с позиций так называемой социальной физики и теории естественного права. Английский экономист А. Смит пытался анализировать экономические основы классов в буржуазном обществе. Знаменитый Вольтер (1694—1778) доказывал единство судеб человечества и требовал создания всеобщей истории, построенной на сравнительном изучении прошлого различных народов. Ж. Кондорсе (1743—1794) и другие мыслители эпохи Просвещения выдвинули идею непрерывного прогресса, понимая историю как восходящее движение человечества от низших форм общественной жизни к формам более совершенным. Ш. Монтескьё (1689—1755) стал одним из основоположников направления, объясняющего политический строй данного государства главным образом географической средой. Виднейшими представителями просветительского направления в Англии были У. Робертсон и Э. Гиббон, а в Германии — И. Г. Гердер.

В России тенденции просветительства сказались в исторических трудах таких ученых XVIII в., как В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин. Чертами революционного просветительства отмечены

взгляды А. Н. Радищева, который рассматривал историю как циклически развивающуюся борьбу свободы и деспотизма. Археография сделала свои первые шаги в России публикациями Н. И. Новикова. В начале XIX в. дворянско-монархические идеи отстаивала в истории официозная историография, представители которой писали о самобытности истории России, неразрывной связи ее судеб с православием и самодержавием. Решительными противниками охранительных концепций в истории являлись А. С. Пушкин и декабристы.

На успехи просветительской идеологии и лозунгов французской буржуазной революции европейская реакция ответила в исторической науке созданием так называемого романтического направления. В его становлении видную роль играли англичанин Э. Бёрк, француз Ж. де Местр, немец Ф. Шлегель и др. Они отвергали рационализм в объяснении исторического процесса, оспаривали зависимость устройства общества от естественных законов человеческой природы. Возражая против концепций просветителей, романтики утверждали, что состояние страны определяется «духом народа», населяющего ее территорию. Истоки романтической историографии были сугубо реакционными. Однако выдвинутая ею теория «органического развития» принесла и определенную пользу, в частности в изменении отношения к истории средневековья.

Принесли пользу и источниковедческие разработки романтического направления. Первостепенную роль сыграла при этом историческая школа права, основанная в Гёттингенском университете и получившая известность

трудами берлинских профессоров К. Ф. Савиньи (1779—1861) и К. Ф. Эйхгорна (1781—1854), а также распространение критических методов в языкознании, мифологии, фольклоре, обычном праве и труды немецкого историка античности Б. Г. Нибура (1776—1831), который считается основателем критического метода в изучении истории. В России приверженцем этого метода был М. Т. Каченовский (1775—1842), основавший так называемую скептическую школу.

Дальнейшее развитие исторической науки было связано с буржуазно-либеральным направлением в историографии. Весьма существенное значение имели, в частности, идеи, выдвинутые Сен-Симоном. По его мнению, движущими силами истории наряду с человеческим разумом и философией являлись экономические факторы и классовая борьба. Общество-политическое устройство общества Сен-Симон считал зависящим от отношений собственности, постепенные изменения которых должны неизбежно привести к социализму. Буржуазно-либеральное направление французской историографии признавало большую роль классовой борьбы, хотя понимало ее весьма ограниченно и непоследовательно. В. И. Ленин писал об этом: «...эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории»³.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 59.

Немецкий философ-идеалист Гегель сделал в это время попытку раскрытия внутренних связей тех непрерывных и многообразных изменений, которые составляют содержание исторического процесса. В своей философии истории он как бы синтезировал идею просветителей о всемирно-историческом прогрессе и теорию «органического развития» романтической историографии. Весьма существенным дополнением к этому синтезу явились принципы диалектики, с применением которых историческое развитие предстало в форме борьбы противоположных начал. Эти принципы были приложены, однако, не к объективно существующей материальной основе исторического процесса, а к идее «абсолютного духа», которая и превратилась у Гегеля в главную движущую силу истории. Некоторые ошибочные положения гегелевской философии истории были приняты на вооружение занятыми реакционерами. Прогрессивные стороны его учения разрабатывались впоследствии левогегельянами, в частности Б. Бауэром. Положительное влияние гегелевской диалектики испытали на себе и многие историки, в том числе русские (Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев и др.).

Вершиной домарксистской исторической мысли стала революционно-демократическая концепция исторического процесса, разработанная в трудах В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова и особенно у Н. Г. Чернышевского. Участвуя в борьбе против феодально-крепостнического строя России и резко критикуя социальные антагонизмы капиталистического мира, революционные де-

мократы в центре своей концепции исторического процесса поставили идею о решающей роли народных масс в общественном развитии, двигателем которого они считали борьбу угнетенных против угнетателей. В методологии общественных наук революционные демократы не смогли полностью преодолеть идеалистические заблуждения, но они указывали на наличие закономерностей в историческом процессе и на решающую роль в нем социально-экономических факторов. Тем самым они расчищали пути для того качественного скачка в развитии исторической науки, которым ознаменовалось появление и распространение марксизма.

Таким образом, процесс становления истории как науки к середине XIX в. зашел очень далеко⁴. Имелись существенные достижения не только в сфере накопления фактического материала и критики источников, но и в общеметодологических вопросах, относящихся к определению движущих сил исторического процесса, к выявлению путей, ведущих к действительному познанию его закономерностей. Однако идеализм, сдавший свои позиции в естественных науках, оставался серьезнейшей помехой для развития науки об обществе. Социально-экономические и идейно-теоретические предпосылки для возникновения исторического материализма объективно сложились только тогда, когда воочию обнаружились противоречия капиталистического общества.

⁴ Общеметодологические проблемы, связанные с возникновением и развитием научного знания, см.: *Н. К. Вахтомин. Генезис научного знания. М., 1973.*

Решающий поворот был совершен под влиянием идей Маркса и Энгельса, не только провозгласивших, но и всесторонне обосновавших материалистическое понимание истории. Оценивая их вклад в науку о человеческом обществе и указывая использованные ими источники, В. И. Ленин в статье «Еще одно уничтожение социализма», опубликованной в 1914 г., писал: «*Так как* эту науку строили, во-первых, экономисты-классики, открывая закон стоимости и основное деление общества на классы,— *так как* эту науку обогащали далее, в связи с ними, просветители XVIII века борьбой с феодализмом и поповщиной,— *так как* эту науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды, историки и философы начала XIX века, разъясняя еще дальше вопрос о классовой борьбе, развивая диалектический метод и применяя или начиная применять его к общественной жизни,— то марксизм, сделавший ряд громадных шагов вперед именно по этому пути, есть *высшее развитие* всей исторической и экономической, и философской науки Европы»⁵.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 49.

III Исторический материализм как теоретическая основа марксистско- ленинской методологии истории

По словам Энгельса, гениальный зародыш нового мировоззрения К. Маркс сформулировал еще в 1845 г. в «Тезисах о Фейербахе»¹. Несколько позже основные положения исторического материализма в форме научной гипотезы были изложены К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии». Свое полное развитие и развернутое изложение материалистическое понимание истории получило в более поздних работах основоположников марксизма². Значение тех сдвигов, которые

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Избранные произведения, т. II. М., 1952, стр. 340.

² Подробнее см.: *Г. А. Багатурия*. Первое великое открытие Маркса. (Формирование и развитие материалистического понимания истории).— «Маркс—историк». М., 1968, стр. 107—173; *Л. И. Гольман*. Об исторических взглядах молодого Энгельса. (Путь к материалистическому пониманию истории).— «Энгельс и проблемы истории». М., 1970, стр. 7—47.

в результате этого произошли в общественных науках, Ленин охарактеризовал впоследствии следующим образом: «Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,— из крепостничества, например, вырастает капитализм»³.

Важнейшие положения исторического материализма изложены К. Марксом в знаменитом «Предисловии» к работе, озаглавленной «К критике политической экономии», которая была издана в 1859 г. Содержащиеся там формулировки настолько полно, лаконично и ярко отражают самое существо материалистического подхода к истории, что соответствующую часть текста представляется необходимым привести здесь без каких-либо сокращений.

«В общественном производстве своей жизни, — указывал К. Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих произ-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 44.

водственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их окопы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий ма-

териальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»⁴.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6—8.

Лишь марксизм дал истории такую методологию познания, которая позволяет рассматривать развитие человеческого общества как естественноисторический процесс с присущими ему объективными закономерностями. Исторический материализм лишил опоры идеалистические теории, связывающие общественное развитие либо с произвольной деятельностью индивидуумов, либо с волей провидения, трансцендентальным опытом, перевоплощениями «мирового духа». К. Маркс доказал, что подлинная наука может базироваться только на материалистическом понимании истории, которое связывает развитие человечества с такими факторами, как географическая среда, рост народонаселения, а главное со способом производства и производственными отношениями, в которые люди вступают друг с другом, чтобы обеспечить условия для своего существования. В речи на похоронах своего великого соратника Энгельс говорил: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории...»⁵

Исторический материализм исходит из признания определяющей роли экономического строя общества, образующего его материальный базис, по отношению к политическим учреждениям, правовым нормам, образу мысли людей, их философии, религиозным и иным взглядам, их художественным вкусам и другим явлениям надстроечного характера. Общественное бытие, говорим мы, определяет общественное сознание. Но это вовсе не значит,

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 350.

что так называемые надстроечные явления не обладают относительной самостоятельностью в своем развитии, что они не оказывают тормозящего или ускоряющего воздействия на базисные процессы. Государство, порожденное определенной экономической базой и совершенно немислимое до ее появления, впоследствии способно самым серьезным образом содействовать упрочению и расширению этой базы. В свою очередь политические и философские идеи могут существенно влиять и влияют как на государственно-правовые нормы, так и на литературу или искусство, а эти последние — не только на эстетические воззрения отдельных членов общества, но в какой-то мере и на его политический строй, на характер контактов между различными слоями общества.

Одной из наиболее важных составных частей исторического материализма является разработанное основоположниками марксизма понятие о социально-экономической формации. Это понятие определяет исторический тип данного общества и подчеркивает неразрывную связь между данным социально-экономическим строем (т. е. способом производства и производственными отношениями) и возвышающейся над ним надстройкой политического, идейного и иного характера. Существенные изменения в базисе неизменно приводят к соответствующим сдвигам в том, что над ним возвышается, а возникновение иного экономического строя всегда влечет за собой создание новой надстройки. Первым крупным этапом истории человечества был первобытнообщинный строй, в рамках которого еще

не было деления на классы. Он сменился рабовладельческой формацией, которая в свою очередь уступила место феодализму. На смену появившейся затем капиталистической формации на наших глазах приходит социалистический строй, несущий с собой ликвидацию антагонистических классов и постепенный переход к бесклассовому коммунистическому обществу. Подчеркивая значимость этого перехода, мы говорим, что все предшествующие формации относятся к предыстории человечества, тогда как его подлинная история начинается с победы коммунизма.

Изменения в способе производства, тесно связанные с непосредственным воссозданием условий материальной жизни, начинаются с изменения производительных сил. Что касается производственных отношений, то они меняются медленнее. Закон обязательного соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил является одним из важнейших положений исторического материализма. Однако в антагонистических формациях сколько-нибудь полная гармония между ними возможна лишь на первом этапе после возникновения каждой из них. В дальнейшем производственные отношения постепенно отстают в своем развитии от производительных сил, и настает период, когда они превращаются в их оковы. В условиях классово антагонистического общества это приводит к революционным взрывам, которые неизменно сопутствуют смене формаций. Неизбежность и жизненную необходимость такого рода потрясений подчеркивают широко известные слова К. Маркса и Ф. Энгельса о том,

что «революция является движущей силой истории...»⁶. Развивая эту мысль, они писали: «...революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»⁷.

Для последователей исторического материализма основное содержание исторического процесса в антагонистических формациях составляют изменения в классовой структуре общества и классовая борьба. В широко известной работе «Три источника и три составных части марксизма», написанной в 1913 г., В. И. Ленин по этому поводу писал: «Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о *классовой борьбе*».

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»⁸.

Наличие социальной градации общества отмечали многие мыслители. Однако до конца уяснили этот вопрос лишь основоположники марксизма. В 1885 г. Энгельс, подтверждая это, писал: «Именно Маркс впервые открыл

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 37.

⁷ Там же, стр. 70.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 47.

великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена»⁹.

Социальная градация общества не является чем-то произвольным и надуманным, она с неизбежностью вытекает из тех взаимоотношений, которые складываются между его членами в процессе общественного производства. «Классами, — по определению В. И. Ленина, — называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹⁰. Пользуясь понятием «класс» и говоря о месте классовой борьбы в историческом процессе, писал К. Маркс, следует помнить три момента: во-первых, что существование классов связано не со всеми, а лишь с некоторыми, преходящими фазами развития

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 259.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

производства; во-вторых, что классовая борьба неизбежно приводит к диктатуре пролетариата; в-третьих, что диктатура пролетариата «сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*»¹¹.

Принципиальное значение придавал этой стороне дела и В. И. Ленин. Вот что он писал по этому поводу: «Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, *а* буржуазией *до* Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, *приемлемо*. Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*»¹².

В различных сферах общественной жизни и в разных условиях классовая борьба ведется неодинаковыми средствами. Основными ее разновидностями является борьба экономическая, политическая, идеологическая. Фактически различные формы борьбы теснейшим образом переплетаются между собой, взаимно

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 427.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 34.

обуславливая друг друга в смысле направленности, содержания и накала. Поскольку позиции господствующего класса всегда закрепляются юридическими нормами, гарантирующими прочность существующего правопорядка, постольку идеологическая и экономическая борьба зачастую как бы переливается в политическую сферу, где и происходят решающие столкновения между борющимися классами. Экономические интересы играют при этом главенствующую роль, но разрешаться они могут лишь через политическое переустройство общества, которому сопутствуют определенные идеологические противоречия и сдвиги.

Важнейшим орудием политической власти в классовом обществе является государственная машина, включающая кроме органов управления еще армию, суд, полицию и т. д. В работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в известном ленинском труде «Государство и революция», в программных документах мирового коммунистического движения вскрыты закономерности возникновения, развития и отмирания государства. Государство как орган классового господства возникает с появлением частной собственности и разделением общества на враждебные классы. Рабовладельческая формация оставила нам примеры самых различных по своей форме государственных образований, однако, по словам В. И. Ленина, любое «государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократи-

ческая»¹³. То же самое можно сказать о государствах феодальных и буржуазных. Что же касается социалистического государства, впервые приходящего на смену эксплуататорской государственной власти, то его функции существенно отличаются от всех предшествующих, ибо речь идет об эпохе постепенного перехода к бесклассовому коммунистическому обществу. Функция подавления враждебных классов, свойственная государству, в этот период ослабевает, а функция организаторская — усиливается; на смену диктатуре пролетариата приходит общенародное государство. «Развитие социалистической государственности, — говорится в Программе КПСС, — постепенно приведет к преобразованию ее в общественное коммунистическое самоуправление...»¹⁴

Наиболее организованную часть класса, которая так или иначе возглавляет совместные действия входящих в него индивидуумов, принято называть политической партией. Зачатки политических партий можно обнаружить еще в античных государствах, спорадическое их появление отмечают историки феодального средневековья. Однако постоянным явлением политические партии стали в эпоху ранних буржуазных революций, после чего размах их деятельности и влияние на общественную жизнь росли очень быстрым темпом. Определяя место политических партий в историческом процессе, В. И. Ленин в работе «Социалистическая партия и беспартийная революционность» (1905 г.) писал: «В обществе, осно-

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 74.

¹⁴ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1973, стр. 109.

ванном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий»¹⁵.

Политические партии являются высшей формой классовой организации. В идеале каждая из них должна была бы отражать интересы определенного класса, взятого в целом. Однако фактически в капиталистическом мире важнейшие классы зачастую бывают представлены на политической арене несколькими партиями, тогда как в социалистических странах нередко существуют партии, которые успешно представляют интересы не одного, а нескольких классов. Это обусловлено тем, что буржуазное общество раздирается антагонистическими противоречиями, а в социалистическом обществе такого рода противоречий нет, хотя существенные различия в положении отдельных социальных групп еще остаются. Идеологи буржуазии в своих теоретических рассуждениях, которые нередко находятся в полном противоречии с их практической деятельностью, склонны выступать в защиту отвлеченных принципов справедливости и выдавать себя за выразителей интересов всего общества. «Беспартийность в буржуазном обществе,— писал В. И. Ленин по этому поводу,— есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров»¹⁶.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 137.

¹⁶ Там же, стр. 138.

Во взаимоотношениях классов и партий, в структуре и деятельности государственных органов существенную роль играют национальные факторы. Нацией у нас принято называть социально-этническую общность людей, которая сменяет предшествующий ей тип этнической общности (народность) и складывается в период перехода от феодализма к капитализму. Первые нации возникли в Западной Европе. Ф. Энгельс характеризовал этот процесс следующим образом: «Королевская власть, опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество...»¹⁷. Если же говорить об исторической перспективе, то марксистско-ленинская теория исходит из того, что нация — это исторически преходящая форма человеческой общности; возникнув в эпоху перехода от феодальной формации к капиталистической, она постепенно исчезнет в будущем. Непременным условием этого является победа коммунизма во всем мире.

Исторический материализм исходит из того, что в классовом обществе любые формы общественного сознания непременно имеют классовый, партийный характер и не могут быть политически нейтральными, как бы громко о том ни кричали некоторые идеологи. Последователи марксистско-ленинского учения, в частности историки-марксисты, без обиняков заявляют, что они подходят к общест-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 345.

венному развитию с классовых партийных позиций, ни в коей мере не отказываясь при этом от научной объективности. Возможность этого обуславливается, во-первых, совпадением коренных классовых интересов пролетариата с потребностями общечеловеческого прогресса, а во-вторых, сознательным и последовательным использованием в практической деятельности коммунистических и рабочих партий тех научных выводов, которые дает марксистско-ленинское общественное знание.

Попытки утверждать, будто общественные науки могут быть надклассовыми, демагогические призывы к объективизму в этой сфере всегда вызвали резкий отпор со стороны Маркса, Энгельса и Ленина. «...Маркс,— по словам В. И. Ленина,— всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая и революционная». И это последнее качество действительно присуще *марксизму* всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей *вскрыть* все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и *послужить* таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой *эксплуатацией*»¹⁸. «Учение Маркса всецело, потому что оно верно», — писал В. И. Ленин¹⁹.

Чтобы закончить главу, нам осталось рассмотреть несколько вопросов теоретико-познавательного плана. Они носят общеметодоло-

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 340—341.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43.

гический характер и относятся как к марксистскому общественнознанию в целом, так и к историческому познанию, которое обладает своей спецификой.

Теория познания, или гносеология, является неотъемлемой частью научного мировоззрения. Идеалисты либо мистифицируют процесс познания («объективные» идеалисты — Платон, Гегель и др.), либо рассматривают предметы как «комплексы ощущений» (субъективный идеализм Беркли, махистов и т. д.), либо в принципе отрицают познаваемость явлений внешнего мира, т. е. стоят на позициях агностицизма (Юм, Кант и их последователи). Диалектический материализм, впервые разработавший подлинно научную теорию познания, исходит из того, что внешний мир существует объективно и независимо от нас, а наши ощущения являются не чем иным, как его отражением. «Мой диалектический метод, — писал К. Маркс в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», — по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»²⁰.

Теория отражения диалектического материализма, разработанная основоположниками

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 21.

марксизма, была развита В. И. Лениным в известном его труде «Материализм и эмпириокритицизм», на страницах которого подверглись глубоко научной критике все те гносеологические построения, которые в начале XX в. тщетно пытались «подправить» или заменить суррогатом марксистскую точку зрения. В последней главе книги, которая озаглавлена «Эмпириокритицизм и исторический материализм», В. И. Ленин опровергает теорию Богданова о тождестве общественного бытия и общественного сознания. Русские махисты, говорится в этой главе, увязли в идеализме «с того самого момента, как взяли «ощущение» не в качестве образа внешнего мира, а в качестве особого «элемента»»²¹. Такая подмена недопустима без подмены материалистической философии идеалистической. «Материализм,— писал по этому поводу Ленин,— вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение. В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи»²².

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 367.

²² Там же, стр. 346.

Историческому познанию как части марксистско-ленинской гносеологии присущи ее общие закономерности. Специфика познания в исторической науке определяется прежде всего особенностями того, что является для нее предметом изучения. Наука эта изучает события прошлого, которые начались и закончились более или менее задолго до того, как ученый приступил к их исследованию. Из этого следует, что у историков предмет изучения, как правило, не обладает свойствами непосредственной действительности, т. е. находится не на глазах исследователя, а воспринимается им через различного рода промежуточные свидетельства, которые принято называть историческими источниками.

Однако, отдавая должное особенностям познавательного процесса в исторической науке, не следует их абсолютизировать и придавать им решающее значение. С точки зрения марксистской гносеологии нет никаких серьезных оснований для противопоставления истории другим общественным или естественным наукам, хотя это ни в коей мере не снимает целого ряда важных специфических проблем, присущих исключительно или главным образом методологии истории. Именно этим проблемам посвящены последующие главы, в которых органически соединяется позитивное изложение узловых проблем марксистско-ленинской методологии истории с разбором основных положений, выдвигаемых ее современными критиками.

IV Споры о месте истории в системе наук

Иногда историю провозглашают «единственной» или «особой» наукой, «наукой всех наук», тогда как в других случаях с пеной у рта доказывают, что она не является подлинной наукой и не имеет никаких шансов стать таковой. Музу истории Клио одни оценивают как «самую строгую из всех муз», а другие не стесняются именовать «девицей для всех» либо «блудницей». Споры эти¹ имеют определенное методологическое значение, они позволяют точнее определить предмет исторической науки и ее взаимосвязи с другими научными дисциплинами.

¹ Подробнее о них см., в частности: *Н. Ирибаджакков*. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972, стр. 9—11.

Выше мы уже говорили, что история так или иначе соприкасается с многими как гуманитарными, так и естественными науками. При этом она зачастую является для них основным поставщиком фактического материала. В большинстве случаев характер взаимосвязей между ними совершенно ясен и не требует специальных пояснений. Представляется, что несколько по-иному обстоит дело, когда речь идет о соотношении истории с философией и с социологией.

В истории науки известно немало случаев, когда философия, вторгаясь в сферу историографии, пыталась брать на себя такую существенную ее функцию, как интерпретация исторических событий. Примером здесь может служить итальянский неогегельянец Д. Джентиле, который заявлял, что философия исчерпывает духовную реальность и не оставляет «подходящей действительности, из которой могла бы образоваться история»². Противоположная тенденция наиболее ярко проявилась, пожалуй, у итальянского же философа и историка Б. Кроче (1866—1952). Этот соотечественник Джентиле считал возможным растворить философию в истории и объявить историческое познание «единственным истинным познанием»³.

Для уяснения вопроса обратимся к той

² Цит. по: Э. Гарин. Хроника итальянской философии XX века (1900—1943). М., 1965, стр. 251.

³ Подробнее о Б. Кроче см.: Б. Р. Лопухов. О «тождестве» философии и истории в работах Бенедетто Кроче.— «Вопросы философии», 1970, № 1, стр. 101—109; Г. М. Иванов. Кризис позитивистской концепции исторического источника и Б. Кроче.— «Вопросы истории», 1974, № 1, стр. 91—106.

классификации наук, которую создали основоположники марксизма. Выше уже говорилось, что в ряде случаев они называли историческими все те науки, которые не являются науками о природе. Отвечая Ф. Мерингу на ряд сугубо методологических вопросов, Ф. Энгельс, например, в своем письме от 14 июля 1893 г. сделал к словам «исторический идеолог» следующее пояснение: «... исторический означает здесь просто собирательный термин для понятий: политический, юридический, философский, теологический, — словом, для всех областей, относящихся к *обществу*, а не просто к природе...»⁴ Другой вариант классификации дается Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге». «Всю область познания, — говорится там, — мы можем, согласно издавна известному способу, разделить на три больших отдела». К первому из них далее отнесены «все науки о неживой природе, доступные в большей или меньшей степени математической обработке», ко второму — «науки, изучающие живые организмы», а к третьему — историческая группа наук, изучающая «в их исторической преемственности и современном состоянии, условия жизни людей, общественные отношения, правовые и государственные формы с их идеальной надстройкой в виде философии, религии, искусства и т. д.»⁵.

Наряду с этим Энгельс термин «история» неоднократно употребляет и в другом, более узком смысле. Однако контекст не оставляет сомнений в том, что история и философия воспринимаются основоположниками марксиз-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 83.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 88—90.

ма как две различные вполне самостоятельные научные дисциплины. Так, в предисловии к «Анти-Дюрингу» Ф. Энгельс пишет о высокопарном пустозвонстве г-на Дюринга и ему подобных «в поэзии, в философии, в политике, в политической экономии, в истории...»⁶.

Будучи наукой о самых общих законах развития природы и общества, философия не может не отличаться от истории как одной из конкретных общественных наук. Отличия эти обуславливаются спецификой предмета исследования, но прежде всего неодинаковостью познавательных средств. Известно, что существуют два основных метода познания — исторический и логический; они взаимосвязаны, но вместе с тем существенно отличаются друг от друга. Даже тогда, когда исследуются одни и те же явления, философия пользуется преимущественно логическим методом познания, а историческая наука — преимущественно методом историческим. В этом отражается объективно существующее различие в природе познаваемых объектов, которые изучаются наукой, с одной стороны, в их статической внутренней конструкции на каждый данный момент, а с другой — в их причинно обусловленном генезисе и развитии.

Болгарский философ Н. Ирибаджакков убежден, что философия «неизбежно исполняет роль методологии истории»⁷. Советский историк М. В. Нечкина сформулировала свое отношение к данному вопросу следующим образом: «Историки должны заниматься методологией истории — заниматься вплотную и по-

⁶ Там же, стр. 7.

⁷ Н. Ирибаджакков. Указ. соч., стр. 177.

вседневно... Вместе с тем нет нужды отделять методологию истории от исторического материализма. Методология истории — органический элемент его системы»⁸.

Не только историки, но и философы, в том числе болгарские, высказывают мнение, во многом совпадающее с мнением М. В. Нечкиной. «Когда мы говорим о методологии истории,— пишет, например, А. В. Гулыга,— мы имеем в виду не только исторический материализм... Роль, которую исторический материализм играет в системе современного научного познания, не сводится к методологическому обоснованию исторической науки... С другой стороны, методология истории должна решить ряд общеполитических проблем, выходящих за пределы исторического материализма. Историку приходится сталкиваться с рядом гносеологических, логических, даже эстетических задач, которые встают перед ним иначе, чем перед другими учеными»⁹.

⁸ Выступление академика М. В. Нечкиной.— «История и социология». М., 1964, стр. 226.

⁹ А. В. Гулыга. История как наука.— «Философские проблемы исторической науки». М., 1969, стр. 9. Те же мысли высказал болгарский философ Н. Стефанов в своей книге «Теория и метод общественных наук». (М., 1967, стр. 259), которая была переведена на русский язык. С аналогичных позиций оценивается соотношение философии и методологии истории в работах других советских ученых: Г. Г. Каравачев. Исторический материализм — метод познания общественных явлений. М., 1973, стр. 57; *его же*. Особенности общественного познания и логика научного исследования. Л., 1965, стр. 60; В. И. Приписнов. О соотношении исторического материализма и исторической науки.— «Вопросы философии», 1961, № 1; К. Д. Петряев. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1971, стр. 15—16.

Вопрос о соотношении исторического материализма с методологией общественных наук затронут в коллективной работе, подготовленной специалистами из Института философии АН СССР. Вот соответствующее место из предисловия к этой работе: «... методология «живет» в науке не в виде абстрактных схем и надысторических конструкций, а лишь во взаимосвязи с конкретным материалом, в ее применении к современной действительности или к историческому прошлому... Именно на «стыках» исторического материализма и каждой частной общественной науки возникает комплекс методологических проблем, решая которые исторический материализм проникает в данную науку и становится для нее подлинной методологией исследования. С другой стороны, для самого исторического материализма эти контакты и взаимосвязи необходимы как один из важнейших источников его собственного развития»¹⁰.

Приведенный текст указывает на наличие у каждой из конкретных общественных наук собственных методологических задач, которые решаются на основе исторического материализма, но непосредственно входят в его состав лишь отчасти. Отрицая это, мы неизбежно пришли бы, с одной стороны, к недооценке исторического материализма, который является неотъемлемым компонентом общей методологии всех наук, в том числе и естественных, а с другой — принизили бы положение всех тех методологических вопросов специаль-

¹⁰ «Принцип историзма в познании социальных явлений». М., 1972, стр. 8—9.

ного характера, без решения которых не может развиваться ни одна из частных наук.

Чтобы подтвердить обоснованность такого вывода, приведем в заключение еще два высказывания, авторитетность которых трудно подвергнуть сомнению. Первое из них принадлежит Б. М. Кедрову, который в одной из своих недавно опубликованных работ пишет: «Любая частная наука ищет и находит в изучаемой ею области факты, которые она стремится обобщить теоретически и объяснить. В результате этого она устанавливает некоторые частные истины, т. е. положения, соответствующие природе или сущности изучаемых ею вещей и явлений... Философия, разумеется, не может дать в руки специалиста-химика или специалиста-биолога конкретный метод для изучения именно химических, или именно биологических явлений. Но она занималась и занимается вопросом, каковы в общем случае должны быть метод мышления и общий характер его приемов и способов, применяемых при решении любых научных задач, чтобы исследователь мог прийти к верному результату, т. е. к раскрытию ранее неизвестной истины. Другими словами, речь идет о том, каков должен быть общий путь к открытию истины. Именно этот вопрос вместе с законами диалектики и остался в сфере философии после отпадения от нее частных наук»¹¹.

Второе высказывание относится непосред-

¹¹ Б. М. Кедров. Философия как общая наука в ее соотношении с частными науками.— «Философия в современном мире. Философия и наука». М., 1972, стр. 418—419.

ственно к методологии истории. Подводя итоги дискуссии по проблемам методологии истории в январе 1964 г., П. Н. Федосеев сказал: «Подменяет ли методология истории исторический материализм? Никоим образом. Исторический материализм есть общая методология для всех общественных наук, в том числе и для советской исторической науки. Но это не значит, что в самой исторической науке нет методологии, методологических вопросов. Если бы этого не было, тогда бы наша историческая наука не была марксистской»¹².

Еще теснее связи между историей и социологией. В аспекте, обращенном к прошлому, задачи этих наук одни и те же: выявление закономерностей развития человеческого общества, взятого в целом. Зачатки социологии, появившейся до XIX в., играли, как правило, положительную роль в истории науки, объединяя усилия на поисках причинности в общественном развитии. Появление исторического материализма как общесоциологической теории нанесло решительный удар спекулятивным идеалистическим доктринам в гуманитарных науках и заложило основы научной социологии. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин не только разработали общетеоретические проблемы, но и в ряде случаев обращались к эмпирическим методам исследования общественного устройства, причем немало сделали для их практического применения в самых различных сферах. Социология и история в марксистской науке всегда разрабатывались в неразрывном единстве.

¹² «История и социология», стр. 328.

Иными путями шло развитие социологии вне марксизма. Родословная буржуазной социологии начинается с основателя позитивизма О. Конта с его «социальной физикой», которая претендовала на эмпирическое открытие законов развития общества, и Г. Спенсера, построившего глобальную социологическую систему, в основном на антропологическом и этнографическом материале. Антипозитивистские веяния начала XX в. ознаменовались в социологии книгой Э. Дюркгейма о статистике самоубийств, положившей начало исследованию «социальной дезорганизации», и работами М. Вебера, попытавшегося исследовать особенности социально-исторического познания. Современная буржуазная социология изучает закономерности развития и функционирования общества в целом, а также отдельных социальных групп, учреждений, предприятий и т. д. Социологическая наука капиталистических стран в значительной мере нарушила прежние традиции и стала наукой эмпирической, прикладной, и именно в этом качестве она широко используется как буржуазным государством, так и отдельными монополиями или крупными предпринимателями.

Взаимоотношения истории и социологии в буржуазной науке складывались по-разному. Для старых позитивистов было характерно пренебрежительное отношение к конкретно-историческому исследованию и его результатам, что не могло содействовать сближению историков с социологами, созданию гармонических взаимоотношений между двумя науками. О. Конт и его последователи не считали

историю наукой до тех пор, пока она занималась описанием единичных фактов. В то же время они утверждали, что, отказываясь от этого, история вливалась в социологию, т. е. опять-таки становилась не самостоятельной научной дисциплиной, а лишь составной частью социологии.

Такова одна из точек зрения, направленная, так сказать, на социологизацию истории, на ее поглощение широко понимаемой социологией. Существовала и прямо противоположная точка зрения, рассматривающая социологию как часть исторической науки. Сторонники этой точки зрения заявляют, что социология должна решать сравнительно узкие задачи, связанные с социальными элементами исторического развития, тогда как широкий, всеобъемлющий синтез — это дело исторической науки.

В иное время и иным путем к выводу о методологической близости истории и социологии пришли неокантианцы Г. Риккерт, Э. Мейер и др. Считая, что «могут существовать науки, которые вовсе не интересуются законами», Риккерт относил историю к таким именно наукам и характеризовал ее как дисциплину, которая должна изучать в реальной действительности не общее, а единичное, и говорил, что «от этого она нисколько не утратит своего научного значения, потому что [...] и единичное может быть предметом *научного интереса*»¹³. На таких же позициях

¹³ Цит. по: Э. Мейер. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования. Изд. 2. М., 1911, стр. 35.

стоял Э. Мейер, который писал: «...в течение моих многолетних исторических исследований мне не удалось открыть *ни одного* исторического закона, да и в трудах других историков мне до сих пор не попадались такие законы. Поэтому я могу смело сказать, что исторические законы существуют только *в идее*, в качестве *постулатов*. Точно так же и в области массовых явлений, например, в экономической истории, нет никаких законов, а есть лишь выведенные путем аналогии *эмпирические обобщения...*»¹⁴. Отрицая существование закономерностей в развитии общества как в социологическом, так и в историческом смысле, указанные ученые ставили эти науки в один ряд, сближали их, но сближали на самом беспомощно низком уровне.

Обе отмеченные тенденции, несмотря на свою противоречивость, так или иначе были направлены на объединение истории и социологии. Но в буржуазной литературе нескольких последних десятилетий гораздо чаще можно встретить концепции, коренным образом противопоставляющие эти науки, призывающие к их полному и окончательному разделению друг от друга. Теоретической основой такого противопоставления зачастую служит поддержанное неокантианцами и затем широко распространившееся деление наук на способные открывать законы (к ним относят социологию) и описательные (к которым причисляют историю). Примером здесь могут быть рассуждения неопозитивиста К. Поппера и экзистенциалиста К. Ульмера.

¹⁴ Там же, стр. 36.

К. Поппер в книге «Открытое общество и его враги» делит науки на теоретические, или обобщающие, и прикладные, или исторические, причем интерес последних сосредоточивается не на универсальных законах, а на единичных событиях. Из этого следует, что социология попадает у Поппера в одну группу наук, а история — в другую; в то же время никакой социальной науки, формулирующей законы подобно, скажем, теоретической физике, он не признает. Позиция К. Ульмера основывается на противопоставлении друг другу «наук о законах» и «наук об индивидуальном», которые могут быть выделены одинаково как в природоведческих, так и в общественных науках. Социология, по мнению Ульмера, является наукой о законах, тогда как история относится к наукам об индивидуальных, уникальных фактах и событиях¹⁵.

Для выявления различий между историей и социологией буржуазные авторы пользуются не только противопоставлением общего и индивидуального, но и связанным с ним критерием причинности. Социолог, заявляют они, исследует массовые явления, и его задача заключается в том, чтобы найти причины, их обусловившие. Историк же, по их мнению, может достичь успеха только тогда, когда понятие о причинной обусловленности исторических событий станет для него «праздной иллюзией», когда предметом исследования для него будет лишь то «особенное, наглядное, конкретное, уникальное и личное», что отра-

¹⁵ Подробнее см.: *Н. Ирибаджак*. Указ. соч., стр. 182—185.

зилось в исторических источниках, когда он сохранит по отношению к своему объекту индетерминистическую точку зрения.

Однако некоторые крупные буржуазные историки и социологи не могли принять и не приняли принципов индетерминизма. Они справедливо заявляют, что, собирая разрозненные факты и не думая о причинных связях между ними, историк уподобляется рядовому коллекционеру марок. Вера в детерминированность исторического процесса обычно соединяется с убеждением о том, что история и социология не должны противопоставляться друг другу. В этом смысле характерны взгляды английского историка Э. Карра. По его мнению, высказывание о том, что обобщение чуждо истории, является бессмыслицей. История, утверждает Карр, вырастает на обобщениях, изучение истории — это изучение причин, это не описание, но объяснение¹⁶.

Из сказанного ясно, что в буржуазной науке одновременно действовали и действуют как тенденции, отдалявшие историю от социологии, так и тенденции, содействовавшие их сближению. До недавнего времени явно преобладало то, что противопоставляло одну науку другой. Обоюдное стремление к сближению наметилось в начале 60-х годов под влиянием недовольства социологическим эмпиризмом и идиографизмом, в связи со стремлением как-

¹⁶ О взглядах Э. Карра подробнее см.: А. М. Нейман. Некоторые тенденции развития современной немарксистской исторической мысли в Англии и теоретико-познавательные воззрения Э. Х. Карра.— «Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения». М., 1969, стр. 177—191.

то усовершенствовать концептуальный аппарат и исследовательскую технику буржуазной исторической науки. В условиях очередного усиления методологического кризиса обеих наук буржуазные идеологи пытались найти такой выход, который бы максимально нейтрализовал воздействие идей исторического материализма на западных ученых-обществоведов.

Специалисты совершенно справедливо отмечают, что подобного рода усиление «кризиса историзма» в буржуазной науке происходит уже в третий раз. Впервые это произошло в конце XIX в., когда адепты позитивизма преодолевали традиции времен Леопольда Ранке. Второй кризисный рубеж пришелся на 20—30-е годы XX в.; в это время на смену классическому позитивизму пришла неокантианская методология, несколько «усовершенствованная» идеями Ницше и Шпенглера. Новая, третья фаза кризиса, развертывающаяся на наших глазах, прямо связана с ростом влияния марксистской исторической науки, правильность методологии которой подтверждена процессом общественного развития¹⁷.

Особенность третьей фазы кризиса состоит в том, что буржуазная историография все сильнее ощущает нехватку цельной социологической теории, позволяющей объяснить

¹⁷ В специальных изданиях капиталистических стран также можно найти на этот счет немало прямых признаний. Применительно к исторической науке в США см., в частности: К. С. Гаджиев. «Дедалус» о кризисе современной американской историографии. — «Вопросы истории», 1972, № 7, стр. 182—189.

накопленный фактический материал и обобщающей исторический опыт человечества. Такой теории требуют от буржуазных историков и их научные амбиции, и тот «социальный заказ», о котором они стараются не говорить вслух; но которого не могут не чувствовать. Теория эта должна быть способной нейтрализовать материалистическое понимание истории, но не при помощи голого отрицания и лобовых атак, которые стали невозможными в наше время. Таково существо дела, показывающее, что кризис в значительной мере связан с ростом идейного влияния марксизма, не оставляющее сомнений, что в поисках «новой методологии» буржуазные ученые волей или неволей вынуждены постепенно приближаться к историческому материализму.

Вернемся, однако, к соотношению истории и социологии в марксистской науке об обществе. Этой проблеме была в значительной мере посвящена методологическая дискуссия, организованная Президиумом Академии наук СССР в 1964 г. В основном докладе, подготовленном академиками П. Н. Федосеевым и Ю. П. Францевым говорилось, что «отделение социологических обобщений от изучения конкретной истории — это скверная традиция буржуазной социологии»¹⁸. По мнению докладчиков, в советской науке положение должно быть совершенно иным. «Но и здесь, — говорится в докладе, — в результате неправильно-

¹⁸ П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев. О разработке методологических вопросов истории. — «История и социология», стр. 14.

го толкования отношения между социологией и историей образовался некоторый разрыв между теорией и историей, теоретическое обобщение исчезало из исторических исследований»¹⁹.

В большинстве своем ученые-марксисты понимают соотношение между историей и социологией в духе только что приведенных высказываний²⁰. Но полного единства мнений пока нет, и это сказывается, в частности, в том, что некоторые советские и зарубежные ученые предлагают создать новую отрасль науки под названием «социология истории», или «историческая социология». Во-первых, заявляют они, специфически исторических законов не существует, а во-вторых, история не является теоретической наукой, подобно политэкономии. Но поскольку в историческом процессе все-таки существуют закономерности, выходящие за пределы политэкономии и других общественных наук, то для их исследования, говорят сторонники этой точки зрения, нужна особая научная дисциплина²¹.

¹⁹ Там же.

²⁰ Интересные и ценные соображения о взаимоотношении истории и социологии см., в частности, в следующих работах: *О. Л. Вайнштейн. Теоретические дисциплины истории.*— «Критика новейшей буржуазной историографии». М., 1967, стр. 10—15; *М. А. Барг. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса.*— «Очерки методологии познания социальных явлений». М., 1970, стр. 250; *Л. М. Дробижева. История и социология.* М., 1971, стр. 11—14; *С. А. Мадиевский. Методология и методика изучения социальных групп в исторической науке.* Кишинев. 1973, стр. 7—10.

²¹ Именно так рассуждает, например, болгарский философ Н. Ирибаджак (см. указ. соч., стр. 199—208).

Думается, что подобного рода рассуждения не соответствуют действительному положению вещей. Сторонникам создания «исторической социологии», или «социологии истории», не мешало бы вспомнить, что в посвященных прошлому конкретных трудах основоположников марксизма-ленинизма мы при всем желании не сможем найти «социологии истории», которая могла бы существовать отдельно от исторической науки и превратиться в самостоятельную научную дисциплину. В этом легко убедиться, просмотрев такие работы, как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса, «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса или книга «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина. Нам представляется, что попытка выделить «социологию истории» в особую научную дисциплину несостоятельна в теоретическом плане и бесплодна с точки зрения перспектив развития исторической науки²².

Что касается чисто гносеологического аспекта рассуждений в пользу «социологии истории», то они, на наш взгляд, связаны с абсолютизацией тех или иных способов познания, преимущественно используемых в данной отрасли знания. Правильно ли относить к одной науке (например, к политэкономии) все то, что требует логического познания, а к дру-

²² Убедительные доводы о том, что выделение «исторической социологии» в особую дисциплину — дело необоснованное и надуманное, см. М. А. Барг. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса. — «Очерки методологии познания социальных явлений». М., 1970, стр. 250.

гой (например, к истории) — все то, что связано с познанием историческим? Думается, что такое деление в достаточной мере искусственно и легко опровергается многочисленными случаями, когда историческое познание совершенно необходимо для политэкономии, а логическое — для исторической науки.

V О закономерностях исторического процесса и поисках «смысла истории»

Закономерными принято считать необходимые, прочные связи различных предметов друг с другом, все то, что можно назвать существенными отношениями между ними. Ф. Энгельс писал, что закон — это «форма всеобщности в природе»¹, а В. И. Ленин, развивая это определение, указывал, что «закон есть прочное (остающееся) в явлении», «отношение *сущностей* или между сущностями»². Законы действуют с железной необходимостью не только в природе, но и в той сфере, которой занимаются общественные науки. Маркс, как уже упоминалось выше, смотрел на развитие общества как на естественноисторический процесс. Он заявлял, что люди могут открыть законы общественного развития и использовать свое открытие для ускорения исторического процесса. Однако общество, как со всей определенностью подчеркивает К. Маркс,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 549.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 136, 138.

«не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»³.

Большинство современных буржуазных ученых, занимающихся общественными науками, либо открыто отрицают наличие причинных связей и закономерностей в историческом процессе, либо стоят на позициях каким-то образом замаскированного индетерминизма. Для обоснования своих воззрений они широко используют предложенное В. Виндельбандом и Г. Риккертом противопоставление природоведческих наук (их метод был назван ими номотетическим) и наук о культуре, где применяется якобы только идиографический метод. Кроме того, индетерминисты умело пользуются ошибками тех своих оппонентов, которые не видят диалектической взаимосвязи между необходимостью и случайностью в истории, которые склонны превращать детерминизм в фатализм. Впрочем, в пылу дискуссий индетерминисты оперируют доводами подобного рода и в тех случаях, когда никаких реальных оснований для этого не имеется.

Общефилософская аргументация индетерминистов идет по двум основным линиям. Одни вообще отрицают наличие закономерностей в истории, утверждая, что историку они, собственно, и не нужны. Такого рода концепции легко опровергаются перечнем тех законов общественного развития, которые открыты К. Марксом и Ф. Энгельсом. Это, например, закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 10.

сил и вытекающий из него закон социальных революций. Это, далее, законы, относящиеся к генезису, механизму функционирования и смене социально-экономических формаций; это закон о том, что в классовом обществе политическая, религиозная, философская и любая идеологическая борьба является в конечном итоге выражением борьбы классов, обусловливаемой их коренными экономическими интересами; это закон, отводящий господствующую роль в идеологической жизни тем классам общества, которые в данный момент составляют его господствующую материальную силу. Каждый из этих законов, перечень которых можно было бы продолжить, подтвержден многочисленными научными трудами. Но самое главное, эти законы многократно и неопровержимо подтверждены за последние сто лет практической деятельностью человечества, которая иногда сознательно, но чаще стихийно развивалась именно в том направлении, которое указали основоположники марксизма.

Противники детерминизма в исторической науке иногда аргументируют свою позицию тем, что историк занимается главным образом индивидуальными событиями прошлого и в отличие от ученого в других областях науки не может формулировать каких-либо универсальных законов. Однако неповторимость и индивидуальность событий вовсе не является исключительной спецификой истории. Это только издали, да и то людям не очень наблюдательным, кажется, будто одинаковое «лицо» имеют все наводнения, землетрясения, циклоны и другие природные явления, что

одинаковы все падающие звезды и все светляки, что все коровы отштампованы природой одним штампом и с минимальными допусками. На самом же деле в науках о земле и в биологии, в астрономии и ядерной физике, в электротехнике и коллоидной химии исследователь сталкивается с неменьшим разнообразием и неповторимостью отдельных явлений, чем в истории. Но как там, так и здесь в отдельном всегда могут быть обнаружены черты общего, если на пути у исследователя не встанут серьезные технические трудности или методологические предубеждения. «...Отдельное,— по словам В. И. Ленина,— не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка (или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.»⁴.

Следовательно, нельзя отвергать возможность исторических закономерностей, утверждая, будто история — это единственная наука, имеющая дело с неповторимыми «индивидуальными» явлениями. Что касается практической стороны дела, т. е. реальной возможности свести разнонаправленные действия множества индивидуумов к тем или иным закономерностям, то здесь весьма уместно обратиться к соответствующему месту работы В. И. Ленина «Экономическое содержание

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

народничества и критика его в книге г. Струве». «Теория... классовой борьбы,— пишет Ленин,— потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что устанавливает приемы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Во-первых, эта теория выработала понятие *общественно-экономической формации*... Во-вторых, действия «живых личностей» в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям... *классов*, борьба которых определяла развитие общества. Этим был опровергнут детски-наивный, чисто механический взгляд на историю субъективистов, удовлетворявшихся ничего не говорящим положением, что историю делают живые личности, и не хотевших разобрать, какой социальной обстановкой и как именно обуславливаются их действия. На место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс,— воззрение, без которого, конечно, и не могло бы быть общественной науки»⁵.

Некоторые современные западные социологи, в частности Карл Поппер, усиленно обвиняют всех последователей детерминизма в историческом фатализме. При этом они приравнивают марксистов к представителям того классического механико-материалистического детерминизма, слабые стороны которого мно-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 429—430.

гократно критиковали Маркс и Энгельс. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс, например, писал об этой разновидности детерминизма как о воззрении, пытающемся покончить со случайностью путем ее полного отрицания. «Согласно этому воззрению,— говорится у Энгельса,— в природе господствует лишь простая, непосредственная необходимость. Что в этом стручке пять горошин, а не четыре или шесть, что хвост этой собаки длиною в пять дюймов, а не длиннее или короче на одну линию... что в прошлую ночь меня укусила блоха в 4 часа утра, а не в 3 или в 5, и притом в правое плечо, а не в левую икру,— все это факты, вызванные не подлежащим изменению сцеплением причин и следствий, незыблемой необходимостью...»⁶ Уже из этой одной в высшей степени иронической тирады совершенно ясно, что марксизм вовсе не отрицает возможности случайных явлений, он лишь ставит их на то место, которые они действительно занимают в природе и в историческом процессе.

Выше говорилось о тех случаях, когда буржуазная наука полностью отрицает наличие объективных закономерностей в истории, т. е. стоит на позициях индетерминизма. Однако следует учитывать, что наряду с полным индетерминизмом существует стыдливый, половинчатый индетерминизм, при котором ученые заявляют, что закономерности есть, но они не имеют объективного характера, а вносятся в поток фактов через сознание изучаю-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 533—534.

щего ее ученого. Закономерности тем самым превращаются в более или менее случайные схемы, необходимые исследователю для систематизации фактического материала или для связного изложения событий, но не имеющие органической связи с содержанием исторического процесса. Даже у одного и того же историка такого рода «закономерности» должны были бы часто меняться, а для их совпадения у разных ученых понадобилось бы просто чудо. Подобные субъективно-идеалистические концепции не раз подвергались критическому разбору в трудах основоположников марксизма-ленинизма.

Гносеологические выверты сторонников «детерминирующей» роли сознания, восходящие еще к воззрениям Д. Юма, т. е. к XVIII в., были свойственны, например, и тем противникам марксизма, которых В. И. Ленин развенчал в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм». Как тогдашние, так и теперешние критики марксизма указывают на недостаточную точность многих открытых им законов. Прямо на эти упреки отвечают следующие слова В. И. Ленина: «Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле,— а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины и т. п. Вот что бесспорно отделяет материалистов

Фейербаха, Маркса и Энгельса от агностиков (юмистов) Авенариуса и Маха»⁷.

С проблемой причинности в историческом процессе тесно связан вопрос о «смысле истории», особенно часто поднимаемый в немарксистской литературе. Последователи исторического материализма отвечают на этот вопрос так: смысл истории составляют объективные закономерности, присущие процессу развития человеческого общества. Однако буржуазные идеологи, кое-как мирившиеся с таким подходом в период восходящего развития капитализма, когда время работало, так сказать, на их класс, впоследствии переменили свою точку зрения. Особенно неприемлемой она стала для них тогда, когда коммунистическое будущее постепенно приобрело вполне ощутимые очертания. Теперь идеологи буржуазии либо вовсе отрицают закономерности, внутренне присущие историческому процессу, либо пытаются найти «смысл истории» вне реальных рамок этого процесса.

От объективного идеализма в разных его трансформациях ведут свою родословную телеологические и финалистические концепции «смысла истории», из которых первые прямо связывают все повороты исторического процесса с господом богом, а вторые отводят аналогичную роль не богу, а «абсолютной идее», «мировому духу» или чему-либо в этом роде. По мнению епископа Августина (354—430), оказавшего огромное влияние на формирование телеологической концепции, богом предопределена от начала до конца

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 164.

судьба каждого человека, не говоря уж о ходе всемирной истории, которая, конечно же, открывается «сотворением» Адама, а завершается картиной «страшного суда». «Смыслом истории» может быть при этом лишь осуществление предначертаний божьих. Финалистические концепции видят «смысл истории» в стремлении исторического процесса к какой-то конечной, высшей цели, т. е. к финалу. Одни такой целью считали идеал гуманности, другие — правовой порядок и вечный мир, третьи — идеальное государство, четвертые — человеческое счастье, пятые — равенство. Некоторые сторонники финалистических концепций, жившие в XIX в., в частности Гегель, Фейербах и другие, принесли немалую пользу исторической науке, но по-настоящему решить вопрос о смысле истории они не могли.

Не могут этого сделать и современные адепты телеологических или финалистских доктрин. Русский белоэмигрант Н. А. Бердяев (1874—1948), который критиковал марксизм с позиций христианского экзистенциализма и был признан одним из ведущих буржуазных философов и социологов XX в., видел смысл земной истории в раскрытии того, что делается на небесах посредством «откровения» и «пророческого отношения» к событиям. Где-то около блаженного Августина и Бердяева можно поместить концепцию умершего в 1954 г. крупного немецкого историка Ф. Мейнеке, который «смысл истории» связывал с трагической «судьбой» деятелей, народов, государств, и заявлял: «Не пытаться определить прогресс или регресс, а обосновать судьбу — вот в чем самая высшая задача

историка»⁸. Так же мало усовершенствовал Августина представитель модной и ныне неотомистской философии истории англичанин Ж. Маритен, по мнению которого, научное познание может понять «смысл истории» только отчасти, так как все цели и замыслы бога недоступны и непостижимы для человеческого разума. Прямо переадресовывает исследователей к божественным помыслам и другой неотомист — И. Пипер, заявляющий, что «никакая философия истории невозможна без разъяснений теологии»⁹.

Концепции многих других буржуазных мыслителей также характеризуются в последнее время весьма значительной дозой мистики и агностицизма. Западногерманский историк Т. Шидер заявляет, например: «Куда мы ни посмотрим, цель истории покрыта мраком неизвестности, а ответ на вопрос, в каком направлении развивается история, становится для нас все труднее»¹⁰.

Говоря о своих соотечественниках, занимающих такую же позицию, англичанин Э. Карр прекрасно видит политический смысл тех сдвигов, которыми порождены подобного рода высказывания. «В XIX в., — пишет он, — британские историки почти все без исключения рассматривали ход истории как демонстрацию принципов прогресса... История была полна смысла для британских историков до тех пор, пока она, казалось, идет в нужном нам на-

⁸ В. П. Толокнов. «Историзм» Ф. Мейнеке как разновидность идеалистической методологии истории. — «Вопросы истории», 1972, № 5, стр. 103.

⁹ Цит. по: Н. Ирибаджак. Указ. соч., стр. 135.

¹⁰ Цит. по: В. И. Салов. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968, стр. 110.

правлении; теперь, когда дело приняло другой оборот, вера в смысл истории стала ересью»¹¹.

Автор приведенных слов относится к тому большинству современных буржуазных ученых-обществоведов, которым телеологические и финалистские концепции, даже в их современной трансформации, представляются слишком архаическими и неубедительными. Он заявляет о своей неверии в божественное провидение, в мировой дух или в какую бы то ни было другую абстракцию, которая могла бы руководить ходом событий, он осуждает Бердяева и всех других, думающих, будто цель исторического процесса лежит вне истории. Если к этому присоединить заявление Карра о безоговорочной поддержке слов Маркса о том, что историю делает действительный, живой человек, то получается весьма внушительная отповедь объективно-идеалистическим построениям бердяевского типа. Конечно, критическая струя, вносимая Карром и другими учеными, приносит немалую пользу исторической науке. Но не следует забывать, что имеющиеся в буржуазной науке противники объективного идеализма сами продолжают оставаться зачастую на субъективно-идеалистических позициях.

Последователи субъективного идеализма исходят из уверенности в том, что история не может иметь никакого внутреннего смысла. Что касается дальнейшего хода их рассуждений, то здесь могут быть несколько вариантов. Так, книга Т. Лессинга «История как прида-

¹¹ Цит. по: «Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения». М., 1969, стр. 187.

ние смысла бессмысленному», наделавшая много шума на Западе, содержит попытку отыскать «смысл истории» в сознании изучающего ее историка. «В истории,— уверяет Лессинг,— никоим образом не обнаруживается никакого скрытого смысла, никакой причинной взаимосвязи, никакого развития во времени само по себе; но история есть историография, т. е. создание этого смысла, установление этих причинных взаимосвязей, изобретение этого развития»¹². Получается, что делать историю — это значит писать ее, что автор исторического труда волен интерпретировать имеющийся у него фактический материал, не учитывая ничего, кроме своих собственных вкусов и представлений.

Затрагивая то решение вопроса о смысле истории, которое дает марксистско-ленинская теория, буржуазные идеологи атакуют его всеми доступными им средствами. Так, Т. Лессинг, Б. Кроче, К. Поппер приравнивают исторический материализм к объективно-идеалистическим и даже теологическим концепциям, заявляя, будто «материя» при этом служит только маскировкой для какого-то трансцендентного бога, повелевающего историческим процессом. Иногда подобные утверждения могут быть следствием слабого знакомства с марксизмом, но в данном случае речь идет скорее о сознательном извращении. Лессинг, Кроче, Поппер, конечно же, знают, что марксизм вообще не признает существования чего-то трансцендентного, а смысл истории ищет не вне ее, но в самом историческом процессе.

¹² Цит. по: *И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли.* М., 1959, стр. 127.

VI Роль народных масс и личности в истории

Обвинение марксистов в том, что они не понимают роли личности в истории, превращая великих людей в каких-то марионеток, слепо подчиняющихся закономерностям исторического процесса,— это одно из самых ходовых обвинений, которыми пользуются противники марксизма. В их числе был известный теоретик и публицист русского народничества Н. К. Михайловский, который еще в 90-х годах прошлого века писал, что у марксистов исторический процесс превращен в царство «метафизической идеи необходимости», где якобы действуют «равно необходимые люди, в известном порядке высказывающие из таинственных недр истории». В действительной жизни, острил он, «герои и толпа существуют, герои ведут, толпа бредет за ними и прекрасный этому пример представляет собой Маркс и марксисты»¹. Конечно, русские народники

¹ Н. К. Михайловский. Литература и жизнь.— «Русское богатство», 1894, № 1, стр. 114.

последних десятилетий XIX в. и современные буржуазные мыслители — это далеко не одно и то же. Однако их взгляды на роль личности в истории в своей основе идентичны, в связи с чем «субъективный метод в социологии», разработанный идеологами народничества, заслуживает здесь не простого упоминания, а более или менее подробного разбора.

Мировоззрение идеологов народничества было эклектичным, но преобладающей струей в нем, при всех колебаниях, оставался субъективный идеализм. В определении «смысла истории» они на первый план выдвигали категории цели и требования морали. Так, Михайловский заявлял, что природные явления не поддаются объективной оценке потому, что у несмеющейся и неплачущей природы нет целей, нет стремлений, нет интересов. В социологии же «мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, тяготеющими к известной цели»; поэтому «исключительно объективная оценка не может дать полное представление о фактах общественной жизни», она «здесь немыслима и невозможна»². Исходя из таких предпосылок, Михайловский выдвинул свою «универсальную» формулу прогресса: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно,

² Н. К. Михайловский. Соч., т. 1. СПб., 1906, стр. 129, 132.

справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»³.

Известно, что В. И. Ленин едко высмеял подобного рода «формулы» в «Материализме и эмпириокритицизме». Критикуя изобретенный С. Суворовым «универсальный» закон экономии сил, применяемый им к неорганическому, биологическому и социальному развитию, В. И. Ленин писал: «Замечательно легко пекут «универсальные законы» наши «позитивисты» и «реалисты»! Жаль только, что законы-то эти ничуть не лучше тех, которые так же легко и быстро пек Евгений Дюринг. «Универсальный закон» Суворова — такая же бессодержательная, напыщенная фраза, как и универсальные законы Дюринга»⁴.

Видный идеолог народничества, П. Л. Лавров, называвший себя «реалистом истории», чтобы как-то отмежеваться от прямых последователей позитивизма, подчеркивал, однако, что в историческом процессе «сознательные влияния должны ставиться на первое место»⁵. Задачу истории, как науки, он видел прежде всего в том, чтобы «показать, как критическая мысль... перерабатывала культуру обществ, стремясь внести в цивилизацию их более исти-

³ Там же, стр. 150. Общую характеристику мировоззрения Михайловского см.: М. Г. Седов. К вопросу об общественно-политических взглядах Н. К. Михайловского. — «Общественное движение в пореформенной России». М., 1965, стр. 179—210.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 352.

⁵ П. Л. Лавров (Миртов). Исторические письма. Изд. 4-е. СПб., 1906, стр. 32.

ны и справедливости»⁶. Что касается понятия «прогресс», то ему Лавров в «Исторических письмах» дал несколько определений. Наиболее емкое из них следующее: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости — вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все то, что можно считать прогрессом»⁷. Фразеология в этом определении Лаврова несколько иная, чем у Михайловского, но в методологическом смысле они близки друг к другу, ибо оба исходят не из объективных закономерностей исторического процесса, а из требований морали, разума, справедливости.

В «Исторических письмах» на вопрос о том, кто двигает историю, Лавров дает ответ: «одинокие борющиеся личности»⁸. Гораздо чаще он пользуется другим термином — «критически мыслящая личность». Этот термин вполне соответствует его доктрине, отводящей «критической мысли» роль преобразователя в человеческом обществе. По мнению Лаврова, «критически мыслящая личность», являющаяся телесным воплощением «критической мысли» (ибо «мысль реальна лишь в личности»), спасает общество от застоя. От «критически мыслящих личностей», утверждает он, зависит человеческий прогресс, через них «идея становится общественной силой и... торжест-

⁶ Там же, стр. 382.

⁷ Там же, стр. 51. Более подробно см. В. В. Богатов. *Философия П. Л. Лаврова*. М., 1972; И. К. Пантин. *Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке*. М., 1973, стр. 197—213.

⁸ П. Л. Лавров (*Миртов*). Указ. соч., стр. 138.

вует, когда такие личности, ею проникнутые, внесли ее в общественные формы»⁹. «Критически мыслящие личности» делятся у Лаврова на две группы. К первой относятся те, кто сохранил человеческое достоинство и способность критически мыслить, несмотря на то, что обстоятельства ограничили их жизнь заботой о куске хлеба. Они, заявляет Лавров, являются самыми энергичными деятелями прогресса и заключают в себе его возможность; осуществление же прогресса «принадлежит тем, которые избавились от... заботы о насущном хлебе, но из этих последних *всякий* критически мыслящий может осуществить прогресс в человечестве»¹⁰.

Михайловский определял роль личности в истории на основе своей собственной теории, построенной на принципах воинствующего индивидуализма. Эта теория делила человечество на две части: бессловесную, безликую, неспособную даже осознать своих нужд «толпу» и «героев», которые призваны вести за собой остальных, освещая им путь светочем отвлеченных идей истины, нравственности и справедливости. В статье «Борьба за индивидуальность» Михайловский резко противопоставлял личность обществу. «Общество,— говорится в статье,— самим процессом своего развития стремится подчинить и раздробить личность, оставить ей какое-нибудь одно специальное отправление, а остальные раздать другим, превратить ее из индивида в орган. Личность, повинувшись тому же закону развития, борется,

⁹ Там же, стр. 96.

¹⁰ Там же, стр. 97—98.

или, по крайней мере, должна бороться за свою индивидуальность, за самостоятельность, за разносторонность своего «Я»»¹¹. Дифференцирующее воздействие этой борьбы в прошлом было более слабым, «отсюда все обращения назад, в глубь прошлого, все упования на возможность применения его принципов к требованиям нашего времени»¹².

Народнические издания конца прошлого века называли «нашим известным социологом» еще одного идеолога народничества — В. П. Воронцова, который обычно подписывал свои публикации инициалами «В. В.». Индивидуализм в теоретических построениях Лаврова и Михайловского несколько коробил Воронцова, и на место отдельных «критически мыслящих личностей», а тем более «героев» он предпочел поставить целую социальную прослойку — интеллигенцию. По мнению Воронцова, интеллигенция прежде состояла из нескольких групп, отражающих интересы сословия, но за последнее время она пополнилась еще одной группой, которая отражает чаяния всего народа. В России, заявлял Воронцов, где масса пассивна, а «факел, освещающий путь прогресса, — в руках привилегированного слоя», необходимо, чтобы интеллигенция «имела широкие идеалы и этими идеалами... оценивала и свои конкретные построения и проектируемые мероприятия»¹³. Конкретизируя эти общие декларации, Воронцов постепенно сближался с концепциями

¹¹ Н. К. Михайловский. Соч., т. 1, стр. 461—462.

¹² Там же, стр. 463—464.

¹³ В. В. Попытки обоснования народничества. — «Русское богатство», 1892, № 3, стр. 88.

Лаврова и Михайловского. «Внесение света в мир идей и чувств массы,— писал он в той же статье,— может быть сделано отдельными лицами, жизненный пульс которых бьется в такт с пульсом современников и, если эти лица обладают достаточной общественной силой, выработанные ими идеи могут получить практическое осуществление без того, чтобы сама масса, если она оторвана от исторического кормила, принимала в деле активное участие»¹⁴.

Три приведенных варианта расходятся в частности, но совпадают в главном. Во всех трех случаях значение чем-либо выделяющихся личностей в истории преувеличивается, хотя и не в одинаковой мере. Зато в отрицании какой-либо творческой роли народных масс все три идеолога народничества единодушны по существу и близки по словесному оформлению.

Еще К. Марксу и Ф. Энгельсу не раз приходилось возражать против обвинения в том, что их учение не оставляет места для инициативы и деятельности отдельных членов общества. Отвечая, например, Дюрингу, Ф. Энгельс в свое время писал: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека,— два класса зако-

¹⁴ Там же, стр. 80.

нов, которые мы можем отделять один от другого — самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определяться содержание этого суждения; тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывают свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз и должна была бы подчинить себе»¹⁵.

Аналогична по своей сути та отповедь, которую дал пропагандистам «субъективной социологии» В. И. Ленин в известной своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». «Дело в том, — писал В. И. Ленин, — что это один из любимых коньков субъективного философа — идея о конфликте между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. Он исписал об этом груды бумаги и наговорил бездну сентиментально-мещанского вздора, чтобы разрешить этот конфликт в пользу нравственности и роли личности. На самом деле, никакого тут конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой им мещанской морали. Идея детерминиз-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 116.

ма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей»¹⁶.

Современная буржуазная история и социология, полагая, что они совершенно по-новому осветили данную проблему, нередко повторяют примерно ту же обойму доводов, которой пользовались вначале Б. Бауэр и Е. Дюринг, а позже и независимо от них — идеологи русского народничества. Западногерманский ученый К. Ясперс, например, утверждает, что люди творят историю посредством свободных актов и творчеством своего духа независимо от материальных условий и объективных законов развития общества. Представитель английской науки А. Берлин, по его словам, приходит в ужас от одной мысли о том, что было бы с миром, «если бы социальный и психологический детерминизм были установлены как общепринятая истина»; больше всего его пугает при этом, что будут невообразимым способом трансформированы понятия выбора, преднамеренного действия, ответственности, свободы и т. п.¹⁷ Число примеров такого рода

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 158—159.

¹⁷ Н. Ирибаджаков. Указ. соч., стр. 114, 116.

можно было бы увеличить, но они лишь подтвердят близость «новых» теорий подобного рода с теми, которые Маркс, Энгельс, Ленин подвергли когда-то столь убедительной критике.

Марксистско-ленинская теория создала научную основу и для единственно правильного решения сложнейших вопросов, связанных с ролью народных масс в развитии общества. «Представление, будто громкие политические деяния есть решающее в истории,— писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге»,— является столь же древним, как и сама историография. Это представление было главной причиной того, что у нас сохранилось так мало сведений о том развитии народов, которое происходит в тиши, на заднем плане этих шумных выступлений и является действительно движущей силой»¹⁸. Именно народные массы создают ту материальную основу человеческого существования, без которой невозможна никакая общественная жизнь и никакие «великие деяния» отдельных личностей. Решающее влияние народа на исторический процесс особенно ярко проявляется в периоды революционных потрясений. «Революции, — читаем у В. И. Ленина,— праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции»¹⁹.

Основное направление исторической активности масс, как и возможные результаты этой активности, обусловлены общими закономер-

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 163.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 103.

ностями общественного развития. Однако из этого вовсе не следует, что в истории все до последней мелочи предопределено заранее и что действия отдельных личностей, в том числе выдающихся, не имеют никакого значения. Осознанное или стихийное стремление людей воздействовать на ход истории не проходит бесследно, оно может замедлить или ускорить происходящие процессы, хотя изменить самой их сути оно не в состоянии. Воздействие это тем значительнее, чем лучше осознают отдельные личности объективные закономерности общественного развития.

Г. В. Плеханов, который активно участвовал в идейном разгроме «субъективной социологии» народничества, в своей специальной работе «К вопросу о роли личности в истории» удачно иллюстрировал марксистское понимание проблемы с помощью следующих математизированных доводов. Он обозначил буквой A рассматриваемое явление, буквой S — сумму условий, в которых оно непременно произойдет, а буквой T — время, необходимое для появления этих условий. Сумма условий, рассуждал он далее, в каждый данный момент будет составлять $S \pm a$, где « a » равняется разнице между исторически обусловленной (т. е. нормальной, средней) активностью личностей и активностью аномальной (т. е. слабой или повышенной). Следовательно, чем большее число личностей осознает необходимость и, преобразив ее в свободу, перешагнет за средний уровень активности, тем больше величин « a » будет иметь знак $+$ и тем скорее придет время T , когда наступит явление A . Напротив, если будет много пас-

сивных личностей, то сумма величин «а» с отрицательным знаком возрастет, и явление А превратится из возможности в действительность не через время Т, а позднее.

Те, кто склонен считать двигателем истории выдающихся деятелей или «великих людей», видят в появлении на исторической арене каждого из них абсолютную случайность и не хотят или не могут понять, что фактическая роль каждого из них зависит не только от его способностей, но и от тех условий, которые существуют. «Без сомнения, великие исторические преобразователи,— справедливо отметил еще Н. А. Добролюбов,— имеют большое влияние на развитие и ход исторических событий в свое время и в своем народе; но не нужно забывать, что прежде, чем начнется их влияние, сами они находятся под влиянием понятий и нравов того времени и того общества, на которое потом начинают они действовать силою своего гения»²⁰. Ошибочна мысль, будто какие-то важные исторические повороты могли бы не произойти, если бы не появились осуществлявшие их люди. По этому поводу Ф. Энгельс в письме В. Боргиусу от 25 января 1894 г. писал: «То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится — более или менее удачная, но с течением времени находится. Что Напо-

²⁰ Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 3. М., 1962, стр. 15.

леон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной,— это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д.»²¹.

Таким образом, не «великие люди» создают историю, а исторический процесс как бы сам в нужный момент выдвигает на первый план того или иного из деятелей, наиболее способных к решению назревших задач общественного развития. Но предсказать точно момент появления «великого человека», как и многие, довольно существенные случайности, наука, разумеется, не может. В апреле 1871 г., т. е. в разгар боев на баррикадах Парижской коммуны, К. Маркс писал Л. Кугельману: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»²². Приведенная цитата, как и все

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 175—176.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 175.

сказанное выше, не оставляет сомнения в том, что материалистическое понимание истории ни в коей мере не культивирует фаталистического безразличия к происходящему, а, напротив, стимулирует каждую индивидуальность к активному и сознательному участию в историческом процессе.

VII Проблема истинности результатов познания в исторической науке

Марксистско-ленинская теория познания в принципе исходит из убеждения в познаваемости любого явления, происходящего в природе и обществе. Восприятие явлений общественной жизни в классовом обществе всегда партийно, т. е. определяется интересами того социального слоя, с которым так или иначе связан познающий субъект. Это накладывает свой отпечаток на историческое познание, но вовсе не закрывает пути к достижению объективной истины при исследовании исторического процесса. В гуманитарных науках, как и в науках естественных, каждое новое научное представление о данном явлении может быть лишь относительной истиной. Возможности познания теоретически безграничны, но практически любая достигнутая ступень является лишь промежуточным этапом, абсолютизировать который нет никаких оснований.

Противники марксизма не могут или не хотят понять диалектическую суть процесса познания. В буржуазной обществоведческой литературе долгое время существуют две концепции, основанные на гипертрофировании

той или иной стороны этого процесса. Одни верят в возможность достижения исторической истины, но считают ее совершенно не зависящей от классов и партий, одинаковой для всех времен и условий. Другие отрицают существование объективной и общезначимой истины, исходя из убеждения, что истина всегда относительна и полностью зависит от познающего индивида. Объективистская концепция была господствующей в прошедшем столетии, но с наступлением XX в. на первый план постепенно выдвинулась концепция субъективистская или релятивистская. Это изменение несомненно связано с теми сдвигами в буржуазной историографии, которые произошли с наступлением эпохи общего кризиса капитализма.

Принципиальное признание «объективистами» того, что исторический процесс существует вне сознания историка и может быть познан им, сыграло положительную роль в развитии науки. Однако объективистская концепция принесла и много вреда, так как являлась теоретическим прикрытием для тех, кто отрицал классовый, партийный характер социальных наук, а ведь такие доктрины были не чем иным, как формой буржуазной партийности. Что касается борьбы с марксизмом, то здесь проявляли и проявляют активность как «объективисты», так и «релятивисты». Разница лишь в том, что последние в настоящее время несомненно первенствуют и по количеству прямых наскоков на марксизм, и по непримиримой враждебности ко всему тому, что связано с материалистическим пониманием истории.

Вот коротенькая подборка высказываний сторонников релятивистской концепции. Англичанин Дж. Кларк заявляет, что «нет никакой «объективной» исторической истины», а его соотечественник Э. Карр пишет, что и само название «объективная истина» должно рассматриваться как ошибочное. Западногерманские ученые говорят: загадка исторической жизни всегда остается таинственной, коварной и неразрешимой (Ф. Мейнеке); история — это «замерзшее время, которое намного темнее ночи в межзвездном пространстве» (Р. Витрам); «прошлое недоступно для нашего припоминания, будущее — темно» (К. Ясперс). Критикуя такого рода высказывания, «объективист» англичанин Дж. Плам совершенно обоснованно подчеркнул, что их авторы исходят, во-первых, из опасения, как бы анализ прошлого не научил кого-либо контролировать будущее, во-вторых, из стремления не допустить «никакой объективной, универсальной значимости человеческой истории». Плама очень волновало противоречие между признанием истории наукой и релятивистским отрицанием ее познавательных возможностей. Но для большинства «релятивистов» эта дилемма не существует, поскольку историческое познание они не считают научным¹.

¹ Н. Ирибаджаков. Указ. соч., стр. 240—241; А. М. Нейман. Некоторые тенденции развития современной немарксистской исторической мысли в Англии и теоретико-познавательные воззрения Э. Х. Карра.— «Историческая наука и некоторые проблемы современности». М., 1969, стр. 184; В. И. Салов. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968, стр. 146.

В процессе пересмотра традиционной методологии буржуазной историографии с позиций релятивизма видное место занимает книга «Идея истории», написанная английским ученым Р.-Г. Коллингвудом в 1961 г. Автор ее первой своей задачей назвал сведение счетов с тем, что могло бы быть названо теорией здравого смысла в истории — практически речь шла об объективистской концепции в буржуазной науке. Говоря об этой конфронтации двух концепций, ученые сводят суть разногласий между ними к шести пунктам. Во-первых, теория здравого смысла отделяет субъект от объекта, а историческое познание рассматривает как отношение между ними, тогда как Коллингвуд отрицает объективность исторического процесса и заявляет, что без субъекта не может быть и объекта. Во-вторых, «объективисты» считают «твердым телом» истории факты, которые сами говорят за себя, а Коллингвуд на первое место ставит исторические интерпретации и теории. В-третьих, Коллингвуд восстает против такой характерной традиции объективистской науки, как культ документа, доказывая, что без интерпретации документ является лишь «бесплодной данностью чувственного восприятия», а попросту — клочком бумаги или папируса. В-четвертых, у «объективистов» историческое познание имеет опытный характер, а у Коллингвуда оно «априорно» и «автономно». Отсюда, в-пятых, «объективисты» критерий истины находят вне познающего субъекта (факты, источники), а Коллингвуд — внутри него (априорная, врожденная идея истории). Наконец, в-шестых, для «объективистов»

истина надклассова, надпартийна, надисторична, для Коллингвуда же она субъективна и релятивна настолько, что всякую историю он считает современной историей и убежден, что одинаково оценить имеющиеся факты не могут не только представители разных поколений, но и один и тот же историк, если он дважды возьмется за ту же тему².

С гносеологической точки зрения концепция Коллингвуда и его единомышленников не представляет собой чего-то нового. Априоризм, лежащий в ее основе, Ф. Энгельс подверг убедительной критике еще в «Анти-Дюринге». Он писал там, что «логические схемы могут относиться только к *формам мышления*», когда же речь идет о формах бытия, то «эти формы мышления никогда не может черпать и выводить из самого себя, а только из внешнего мира». И далее: «... принципы — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество соотносятся с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»³. Возвращаясь к тому же вопросу еще раз, Энгельс писал: «Это только иная форма старого излюбленного идеологического метода, называемого также априорным, согласно которому свойства какого-либо предмета познаются не путем обнаружения их

² Н. Ирибаджаков. Указ. соч., стр. 253—254; А. М. Нейман. Указ. соч.— «Историческая наука и некоторые проблемы современности», стр. 184.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 34.

в самом предмете, а путем логического выведения их из понятия предмета. Сперва из предмета делают себе понятие предмета; затем переворачивают все вверх ногами и превращают отражение предмета, его понятие в мерку для самого предмета. Теперь уже не понятие должно сообразоваться с предметом, а предмет должен сообразоваться с понятием»⁴.

Такова материалистическая критика гносеологии релятивистов, в частности Коллингвуда. Не менее убедительной критике основоположники марксизма подвергли философскую и гносеологическую базу рассуждений «объективистов». В том же «Анти-Дюринге», например, Энгельс едко высмеял претензии Е. Дюринга на открытие каких-то «вечных истин», показав на конкретных примерах, что их нет и не может быть ни в физико-математических, ни в биологических науках. «...В истории общества, как только мы выходим за пределы первобытного состояния человечества, так называемого каменного века, повторение явлений составляет исключение, а не правило; и если где и происходят такие повторения, то это никогда не бывает при совершенно одинаковых обстоятельствах... Поэтому в области истории человечества наша наука отстала еще гораздо больше, чем в области биологии. Более того: если, в виде исключения, иногда и удастся познать внутреннюю связь общественных и политических форм существования того или иного исторического периода, то это, как правило, происходит тогда, когда эти

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 97.

формы уже наполовину пережили себя, когда они уже клонятся к упадку... кто здесь погонится за окончательными истинами в последней инстанции, за подлинными, вообще неизменными истинами, тот немногим поживится,— разве только банальностями и общими местами худшего сорта, вроде того, что люди в общем не могут жить не трудясь, что они до сих пор большей частью делились на господствующих и поработенных, что Наполеон умер 5 мая 1821 г. и т. д.»⁵

На протяжении 50-х годов XIX в. в буржуазной методологии истории довольно модным стал презентизм, который особенно распространился в США (К. Беккер, К. Рид и др.). Свое название это субъективно-идеалистическое направление получило от английского слова *present* — «настоящее время», «современность». Презентисты рассматривают историю как прямое отражение идеологических отношений современности и считают, что историческая наука должна исходить из тезиса: каждое поколение пишет историю заново. Теоретической основой для презентизма послужила прагматистская философия, которая отождествляла истину с полезностью, выгодностью, а в общественных науках проповедовала плюрализм, т. е. многовариантность исторического процесса, полную равнозначность тех факторов, которые оказывают на него определяющее воздействие. Являясь выражением крайнего релятивизма, презентизм отвечал интересам наиболее воинственных кругов империалистической реакции,

⁵ Там же, стр. 90.

у которых ход исторического развития все больше возбуждал и продолжает возбуждать стремление к «переписыванию» истории. Историки-презентисты не ограничивались в этом смысле одними призывами. В США они выступили, например, с работами, восхвалявшими идеологию и деятельность вождей рабочладельческого Юга в их борьбе с аболиционизмом, а в ФРГ и Англии начали «ревизию» истории второй мировой войны в пользу гитлеризма и сторонников «мюнхенской» политики в предвоенной Европе. Презентизм, являясь одним из наиболее реакционных направлений в буржуазной историографии, вел ожесточенную борьбу против марксизма⁶. За последнее десятилетие он, однако, подвергся серьезной критике, и его влияние в буржуазной науке заметно снизилось.

Презентизму, как и другим релятивистским в своей основе доктринам, противостоят выдвинутые основоположниками марксизма положения о диалектической взаимосвязи между абсолютной и относительной истиной, между суверенностью человеческого мышления вообще и заблуждениями отдельных людей. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» по этому поводу писал: «... суверенность мышления осуществляется в ряде людей, мыслящих чрезвычайно несуверенно; познание, имеющее безусловное право на истину,— в ряде относительных заблуждений; ни то, ни другое не может быть осуществлено полностью иначе

⁶ Подробнее см.: А. Шафф. Презентизм — реакционная методология буржуазной историографии. — «Коммунист», 1955, № 16.

как при бесконечной продолжительности жизни человечества.

Мы имеем здесь... противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно. Это противоречие может быть разрешено только в бесконечном поступательном движении, в таком ряде последовательных человеческих поколений, который, для нас по крайней мере, на практике бесконечен. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познания столь же неограниченна, как ограничена. Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности»⁷.

В работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» есть разделы, озаглавленные «Существует ли объективная истина?», «Абсолютная и относительная истина, или об эклектицизме Энгельса, открытом А. Богдановым» (глава II). В них подвергнуты резкой критике гносеологические выверты русских «махистов». Один из них — «эмпириомонист» А. Богданов, отождествлял внешний мир с человеческими ощущениями в форме «коллективного опыта», т. е. в гносеологическом смысле, выступал с позиций сенсуализма, как и многие из нынешних сторонников

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 87—88.

субъективистского и релятивистского направления в буржуазной науке об обществе.

Однако сенсуализм (признание человеческих ощущений единственным источником познания мира) сам по себе еще не решает вопроса об основах мировоззрения того, кто его провозглашает. «И солипсист, т. е. субъективный идеалист,— пишет В. И. Ленин,— и материалист могут признать источником наших знаний ощущения... Исходя из ощущений, можно идти по линии субъективизма, приводящей к солипсизму («тела суть комплексы или комбинации ощущений»), и можно идти по линии объективизма, приводящей к материализму (ощущения суть образы тел, внешнего мира)»⁸. Развивая ту же мысль несколько ниже, Ленин заявляет: «Быть материалистом значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств. Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину. Вот это «так или иначе» и разделяет материалиста-метафизика Дюринга от материалиста-диалектика Энгельса»⁹.

Релятивизм также не может служить однозначным критерием для определения принадлежности к основным направлениям в философии, так как может быть составной частью мировоззрения как идеалиста, так и материалиста. В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин разъяснял, что материалистическая диалектика Маркса и Энгельса

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 127—128.

⁹ Там же, стр. 134—135.

безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, ибо признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине¹⁰. Подробно раскрывая взаимосвязи между абсолютной и относительной истиной, В. И. Ленин писал: «...человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания... С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель... Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различие относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова,

¹⁰ См. там же, стр. 139.

в нечто мертвое, застывшее, заостенелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта»¹¹.

Таков смысл довольно давних и современных споров относительно истинности научного познания. На общефилософском уровне в этих спорах активно участвовали в свое время Маркс, Энгельс и Ленин, которые не только подвергли убедительной критике слабые стороны как объективистской концепции, так и релятивизма, но и показали, какова подлинная взаимосвязь между относительной и абсолютной истиной, между суверенностью научного мышления в целом и неизбежной ограниченностью познания у отдельных ученых. С этой точки зрения круг вопросов, затронутых в данной главе, можно считать исчерпанным. Что же касается дискуссий, касающихся специфических черт исторического познания, то речь о них только начинается.

¹¹ Там же, стр. 137—139.

VIII Споры вокруг понятия «исторический факт»

С точки зрения здравого смысла термин «факт» настолько ясен, что не требует никаких пояснений. Между тем как раз по поводу этого термина и всего того, что с ним связано, специалисты издавна ведут горячие споры, причем за последние десятилетия они не затихают, а еще больше усиливаются. Это в значительной мере обусловлено их непосредственной связью с важным для любой науки гносеологическим вопросом о том, существуют ли «вещи в себе» и соответствует ли их подлинная суть представлениям, которые складываются о них в сознании ученого. В исторической науке этот вопрос осложнен тем, что предмет изучения почти всегда воспринимается не путем непосредственного наблюдения, а через промежуточное звено в виде весьма разнородных исторических источников, изучение которых имеет свои собственные сложности.

Однако гносеологический смысл проблемы не меняется от того, что цепь между объек-

том познания и познающим субъектом увеличится на одно или несколько звеньев. Важно, что объект познания и в этом случае существует вне человеческого сознания, независимо от него, а складывающееся представление об объекте является более или менее точным его отражением в голове познающего субъекта. Чтобы приблизиться к действительной сути исторического события, ученый должен отчетливо видеть разницу между самим событием и его отражением в вещественных памятниках, письменных и иных источниках, отличать событие от его описания в уже имеющихся исторических сочинениях. Удлинение пути, по которому идет познание, разумеется, усложняет познавательный процесс. Но оно вовсе не исключает успеха, ибо историческое познание, основанное на материалистическом понимании истории, будучи научным познанием, способно воссоздать действительный ход исторического процесса и понять его закономерности.

Без марксистско-ленинской теории отражения решить гносеологические вопросы, встающие перед историками, не так-то просто. Примеров в подтверждение этого можно привести сколько угодно.

В годы возникновения и распространения марксизма среди западноевропейских историков большим влиянием пользовался немецкий ученый Л. Ранке, провозглашавший культ фактов, которые, по его мнению, сами говорят за себя и не нуждаются в каких-либо интерпретациях и обобщениях. Его изречения стали символом веры для многих историков, которым позиция Ранке импонировала своей ка-

жущейся объективностью. Между тем, призывая историков к отказу от каких-либо оценок событий и фактов, основатель «объективной» школы в историографии вовсе не был беспристрастным созерцателем современных ему и отошедших в историю идейно-политических столкновений. Важнейшие исторические события Ранке рассматривал как борьбу идей, причем воплощением высшей идеи считал господства бога, а все прочие идеи были для него не более чем мыслями бога о мире. Стоя на позициях европоцентризма, он выделял романо-германские народы как ведущую силу развития человечества. Историческую роль славян он видел только в защите западной цивилизации от нашествий кочевников. Что же касается неевропейских народов, то они появлялись у Ранке лишь постольку, поскольку оказывались объектом воздействия со стороны народов Европы. Политические пристрастия Ранке, отразившиеся в содержании его ученых трудов, вполне согласуются с тем, что он был защитником дворянских привилегий, воспитателем немецких королей и принцев, официальным историографом Пруссии и личным другом Бисмарка.

Что касается вопросов чисто профессиональных, то здесь политической позиции Ранке соответствовало его утверждение, что историческую истину следует искать главным образом в донесениях послов, переписке государственных деятелей и в других материалах аналогичного происхождения, убеждение, будто для истории не существует все то, что не отражено в документах. Отсюда характерное для Ранке выдвижение на первый план поли-

тической и дипломатической истории, сводимой фактически к действиям выдающихся личностей при почти полном игнорировании социально-экономических аспектов истории, не говоря уж о деятельности народных масс, которую он вообще не удостоивал внимания.

В понимании исторического факта довольно близко к Ранке стояли позитивисты второй половины XIX — начала XX в. Одним из них был известный французский историк Фюстель де Куланж, у которого культ факта также превратился в культ письменных источников. Следуя девизу «Тексты, все тексты, ничего, кроме текстов!», он был убежден, что историческая наука сводится «к здравому толкованию документов». Со временем такая позиция начала все более и более вызывать возражения, в том числе и среди историков, специально занимавшихся методологическими проблемами источниковедения. Наибольшую известность из них приобрели соотечественники Фюстеля де Куланжа — Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос. В своем «Введении в изучение истории» они призывали историков восполнять недостаток документов и фактов своими рассуждениями. Подчеркивая субъективность исторического познания, Ланглуа и Сеньобос заявляли: «Прошедшую реальность мы не наблюдаем; мы знаем ее только по ее сходству с существующей реальностью»¹. Характерная для Ранке абсолютная вера в объективность и безусловность факта поколебалась. Соответственно изменилось и понятие факта, которое

¹ Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899, стр. 179.

у Сеньобоса сформулировано так: «Фактом называется как в обыденной речи, так и в науке такое утверждение или суждение, которое соединяет вместе несколько впечатлений, утверждая, что эти впечатления соответствуют внешней действительности»².

Указанные тенденции, постепенно развиваясь, привели в начале XX в. к возникновению так называемого критического направления в историографии, связанного с философским неопозитивизмом. В Англии это направление представлял, в частности, Ф. Мэтленд, в Германии — В. Виндельбанд и Г. Риккерт, в России — А. С. Лаппо-Данилевский. Будучи неокантианцем, Лаппо-Данилевский считал историческим фактом «воздействие индивидуальности на среду, в особенности на общественную среду», а в историческом источнике видел «доступный чужому восприятию, т. е. реализованный, продукт человеческой психики... поскольку он представляется историку пригодным для того, чтобы получить знание о каком-либо факте из прошлой жизни человечества»³.

1920-е годы, как известно, ознаменовались широким наступлением на объективистские концепции в историографии с позиций прагматизма и инструментализма — философских течений, требующих утилитарного подхода к идеологии. К 1926 г. относятся два весьма симптоматичных выступления на тему «Что такое исторические факты?». Одно из них было опубликовано во Франции в форме

² Ш. Сеньобос. Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902, стр. 63.

³ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории. Вып. II. СПб., 1913, стр. 322, 374.

статьи и принадлежало французскому философу, этнографу и психологу А. Леви-Брюлю. Другим выступлением была речь президента Американской исторической ассоциации К. Беккера, произнесенная на ее годовом собрании в декабре 1926 г. (полная публикация — 1955 г.). Беккер заявлял, что исторический факт не существует вне человеческого сознания, и призывал к отказу «от устаревшей привычки думать об истории как части внешнего мира и об исторических фактах как действительных событиях». По мнению Беккера, сами факты прошлого не могут иметь и не имеют никакого значения, пока интерпретация не придаст им такой смысл, какой заблагорассудится историку⁴.

Таким образом, объективистские воззрения на исторический факт все более уступали место концепциям в духе субъективного идеализма и агностицизма. Это не в последнюю очередь обуславливалось нуждами идеологической борьбы против марксизма, ибо прежнее толкование термина «факт» как бы приоткрывало дверь в сторону материалистического понимания истории⁵.

Термин «факт», играющий весьма существенную роль в языке науки, всегда имел и имеет много значений, что уже само по себе порождает немало спекуляций чисто семанти-

⁴ См. *А. Я. Гуревич. Что такое исторический факт? — «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы»*. М., 1969, стр. 59—88.

⁵ Интересный и новый материал об этом см.: *В. И. Салов. Исторический факт и современная буржуазная историография*. — «Новая и новейшая история», 1973, № 6, стр. 43—56.

ческого свойства⁶. В исторической науке этим термином пользуются не только тогда, когда говорят о познавательных образах реального мира (например, в форме статистических сведений, материальных памятников, письменных и устных свидетельств и т. п.), но и в тех случаях, когда речь идет непосредственно о самой объективной действительности, о любом проявлении жизни общества. Кроме этого термин «факт» применяется как к единичным явлениям, так и к собирательным названиям и понятиям (типа класс, нация, революционное движение и т. д.). Все это усложняет процесс познания в исторической науке, хотя в теоретическом смысле суть дела остается одной и той же.

Предметом исследования для историка является прежде всего сама объективно существовавшая действительность, которая как бы распадается в наших глазах на отдельные факты того или иного характера. Однако, изучая действительность, историк воспринимает ее не непосредственно, а через содержание разного рода исторических источников, каждый из которых, во-первых, сам является фактом, а во-вторых, отражает ту или иную сумму фактов соответствующего исторического периода⁷. Восприятие действительности в источнике и восприятие источника ее исследователем зависят от многих факторов, в том

⁶ Н. Ирибаджаков. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972, стр. 261—268.

⁷ В. С. Библер. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки).— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 89—101.

числе от классовой (партийной) принадлежности историка или создателя источника. Научно-познавательные образы фактов прошлого, возникающие в сознании исследователя как результат изучения источников и сложного процесса их интерпретации, не могут быть полностью адекватными исторической действительности, но они в каком-то приближении отражают ее суть, существуя отдельно от нее на страницах печатных трудов ученых⁸. Научно-познавательные образы нельзя противопоставлять фактам исторического прошлого, но нельзя и отождествлять эти образы с действительностью. Первое ведет к гносеологическим концепциям объективистского толка (факт — все, интерпретация — ничто), второе — к субъективно-идеалистическим концепциям с их релятивизмом по отношению к историческому факту.

Таким образом, цепь исторического познания включает в себя три основных звена: 1) объективно существовавшая историческая действительность; 2) отражающие ее источники; 3) сумма научно-познавательных образов, воссоздающая прошлое по имеющимся источникам. У этой схемы нет принципиального отличия от той, по которой осуществляется познание в любой другой науке. Специфика исторического познания связана с более значительным удельным весом второго звена, но ведь в той или иной форме оно существует во всех науках, даже в экспериментальных, где перед исследователем зачастую предстает

⁸ См. Г. М. Иванов. К вопросу о понятии «факт» в исторической науке.— «Вопросы истории», 1969, № 2.

не само явление, но показания соответствующих приборов и другие «источники», требующие сопоставления и интерпретации.

Наличие у исторического познания специфических черт неоспоримо, но гипертрофирование их ведет лишь к необоснованному противопоставлению истории другим научным дисциплинам, а иногда и к отрицанию ее права называться наукой.

Для буржуазной науки характерно преувеличение гносеологического значения индивидуальных черт исторических событий. Марксизм учитывает эту сторону дела; в то же время он не абсолютизирует индивидуальные черты каждого отдельного исторического факта, а убедительно доказывает, что большинство фактов поддаются типизации, т. е. могут служить объективной основой для создания обобщенных понятий. Эти понятия в свою очередь становятся как бы историческими фактами второго порядка, в которых конкретное восприятие ряда объектов выступает в неразрывном единстве с абстракцией, осуществляемой человеком в процессе познания. Однако для марксистов обобщенные понятия — это вовсе не «символы» непознанных или непознаваемых фактов, как их трактуют многие буржуазные ученые, а более или менее точное отражение исторической реальности в сознании исследователей.

Понятие «исторический факт» весьма сложно и многопланово. Отстаивая единую точку зрения, когда дело идет о перечисленных выше принципиальных вопросах, историки-марксисты не совсем единодушны в некоторых конкретных определениях и оценках, относящих-

ся к термину. Анализируя те дефиниции, которые фигурируют в польской литературе последних 10—15 лет, советский исследователь пишет: «Можно выделить следующие наиболее распространенные толкования исторического факта, которыми оперируют польские ученые в процессе его исследования: «во-первых, факт — это фрагмент исторической действительности, находящийся в определенных пространственно-временных рамках и обладающий материальностью (Е. Топольский); во-вторых, факт — это объективно существующее явление реальной действительности (Ц. Бобинская, Г. Лябуда); в-третьих, исторический источник может выступать как самостоятельный общественно-исторический факт (Б. Кюрбисувна, Ц. Бобинская); в-четвертых, исторический факт — это нечто конкретное, реально существующее (люди, вещи, события) в противоположность различным вымыслам, фикциям и заблуждениям (В. Мощенская); ...в-пятых, факт — это всякое проявление жизни человека (Б. Миськевич); в-шестых, исторический факт является научной конструкцией (В. Куля)»⁹.

Примером разногласий между советскими специалистами могут служить статьи, помещенные в сборнике по теоретическим и методическим проблемам источниковедения. В статье А. Я. Гуревича читаем следующее определение: «Исторический факт — это аб-

⁹ М. Н. Терешко. Понятие исторического факта и его соотношение с историческим источником (на материалах современной польской методологии истории). — «Проблемы социальных исследований». Вып. 3. Томск, 1973, стр. 75.

стракция такого рода, которая создана на основе применения общей категории к чувственному объекту, но, при сохранении индивидуальности последнего, абстракция, в которой не утрачено, однако, конкретное содержание события, отражаемого этим историческим фактом. Поэтому правильнее говорить об историческом факте не как об абстракции, ибо это понятие предполагает элиминирование индивидуального и конкретного содержания, а скорее как о научно-познавательном образе, единстве абстракции и представления о конкретном чувственном объекте»¹⁰. Помещенная рядом статья В. С. Библера не оспаривает это определение в основной его сути, но пытается внести в рассмотрение вопроса ряд дополнений и уточнений, обращая особое внимание на соотношение между исторической реальностью и тем представлением о ней, которое возникает в сознании историка. «Реконструкция исторического факта — это процесс освоения, с точки зрения своей эпохи, всего того движения, пробега всемирной истории, который фокусируется вокруг изучаемого факта и который выступает сегодня не в качестве «снятого» культурного наследия, но в качестве «относительной одновременности»... прошлых и современных событий. Факт реконструирован лишь тогда, когда... деятельность «дешифровщика» включается в определение исторического значения этого «факта», во всей его социальной неповторимости»¹¹.

¹⁰ А. Я. Гуревич. Указ. соч. — «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы», стр. 82.

¹¹ В. С. Библер. Указ. соч. — «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы», стр. 101.

Существенные нюансы тех определений исторического факта, которые содержатся в работах ученых-марксистов, связаны с двойственностью самого понятия, относящегося, с одной стороны, к факту в смысле фрагмента исторической реальности, а с другой — к факту в смысле научно-познавательного образа этого объекта. Их нельзя ни идентифицировать, ни отрывать друг от друга. Чтобы подчеркнуть, что при несомненной близости эти понятия имеют и существенные различия, некоторые ученые, в частности польская исследовательница Целина Бобинская, предлагают ввести понятие «историографический факт», относя его к научно-познавательному образу, тогда как термин «исторический факт» сохранить применительно к не прошедшим через сознание историка, непосредственно данным фрагментам исторического процесса. Думается, что такое деление полезно хотя бы потому, что оно облегчит понимание двойственности бытующего до сих пор объединенного термина и внесет ясность в гносеологическую позицию тех марксистов, которые определяют исторический факт как «научную конструкцию»¹². Оценивая такой подход, Ц. Бобинская пишет: «Определение, что «факт есть научная конструкция», подходит нам по-

Некоторые критические замечания по поводу определений А. Я. Гуревича и В. С. Библера см. в рецензии на сборник — К. Г. Левыкин. О некоторых проблемах историчковедения. — «Вопросы истории», 1972, № 1, стр. 154—156, а также А. И. Уваров. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973, стр. 21.

¹² W. Kula. Rozważania o historii. Wrocław, 1958.

тому, что оно вскрывает сложность исследовательского процесса, характеризует те индуктивные и дедуктивные усилия исследователя, в результате которых возникает историографический факт. Однако эта формула не подходяща в том случае, если она должна отражать отношение между исторической мыслью и самой историей, если богатство творческой мысли историков должно узурпировать и заменить богатство тех связей и структур, которые возникали или возникают в реальной действительности, являющейся объектом исследования»¹³. Аналогичным образом высказался еще один польский историк — Ежи Топольский, объемистая монография которого «Методология истории» дважды издавалась в Польше за последние годы. В этой книге, в частности, говорится: «В отличие от факта, как предмета исследования, его реконструкцию, осуществленную историком (но еще не историческое суждение, а скорее материал для того, чтобы его сформулировать), стали называть фактом историографическим»¹⁴.

В методологической литературе делаются попытки теоретически обосновать еще одну градацию: деление фактов на исторические и неисторические. Думается, что градация эта несколько надуманная и если имеет смысл, то только в приложении к конкретному данному

¹³ *C. Bobińska. Historyk, fakt, metoda. Warszawa, 1964, str. 49—50.*

¹⁴ *J. Topolski. Metodologia historii. Warszawa, 1968, str. 150; см. также Ю. Дуткевич. Теоретические вопросы исторической науки в трудах польских ученых (1945—1965). — «Советское славяноведение», 1966, № 5, стр. 131.*

исследованию. Ведь любой факт может быть «историческим» в одном случае и «неисторическим» — в другом.

Сказанное вплотную подвело нас к вопросу о селекции исторических фактов, которую неизбежно осуществляет ученый в ходе своей работы. Противники материалистического понимания истории, ученые, стоящие на индетерминистских и субъективистских позициях, не располагают объективными критериями для селекции фактов и поэтому даже отказываются иногда от научного осмысления общественной жизни человечества. При этом они на все лады повторяют требование о беспристрастности отбора фактического материала, чаще всего связывая его с осуждением идей о классовой и партийной обусловленности позиций исследователя.

Историки-марксисты имеют в своем распоряжении подлинно научные критерии для отбора фактов, основанные на понимании решающей роли в истории существующей системы производственных отношений и тех классовых противоречий, которые ими обусловлены. Превращая бесконечное многообразие исторических фактов в факты историографические или в обобщенные научно-познавательные образы, марксистская историческая наука пользуется типологизацией отдельных явлений и другими приемами теоретического мышления, ведущими от частного к общему, от конкретного к абстрактному. При этом исследователи основываются, с одной стороны, на уже имеющихся у них представлениях о закономерностях процесса, а с другой — на тех коррективах, которые вносят в прежние

представления вновь проводимые исследования. Накопление фактов и их интерпретация осуществляются учеными практически одновременно и в тесной взаимосвязи друг с другом, ибо нет оснований отказываться от осмысления материала до тех пор, пока из источников будет извлечен последний конкретный факт, относящийся к теме. Не нужно, впрочем, и спешить с окончательными выводами, так как обобщения и оценки исследователя будут тем точнее соответствовать исторической действительности, чем более полным и разносторонним окажется имеющийся в его распоряжении фактический материал.

IX Узловые вопросы теоретического источниковедения

Предшествующей главой, касающейся понятия «исторический факт», начато освещение проблематики, относящейся к частной методологии истории или к методике и технике исторических исследований. Эта область включает немало вопросов, решение которых чрезвычайно важно для работы исследователя и для оценки ее результатов. Ниже мы рассмотрим наиболее крупные из них, но прежде еще раз остановимся на соотношении между методологией исторической науки в целом и методикой или техникой исторических исследований.

Конечно, в технике исторического исследования можно найти немало отдельных приемов, которые могут использоваться и с успехом используются как буржуазными учеными, так и историками-марксистами. Но думается, что при этом речь идет именно об отдельных приемах, а не об их совокупности, которая образует внутренне цельную систему, неразрывно связанную с общей методологией и идейными позициями исследователя. Методи-

ка или техника исследования действительно развивается не только по линии идеологической, но и по линии познавательной преемственности, однако совершенно очевидно, что первая из них играет определяющую роль. Наличие преемственности в познавательной сфере неоспоримо, но нельзя забывать, что любое гипертрофирование ее роли не облегчает, а затрудняет решение вопроса об освоении нами тех конкретных результатов, которых способна добиться буржуазная наука, и тех заслуживающих внимания исследовательских приемов, которые она вырабатывает.

Основываясь на марксистско-ленинской теории, советские ученые исходят из неразрывного единства общенаучной методологии и частной методологии исторической науки. Редколлегия специального сборника статей о теоретических и методических вопросах источниковедения в своем предисловии совершенно правильно заявляет, что «методика неотделима от метода, а последний включает в себя весь процесс исторического познания, в том числе и теоретические аспекты отдельных его сторон и ступеней»¹. Но среди исследователей, в том числе и среди авторов этого сборника, есть и такие, которые недостаточно четко и однозначно формулируют свое отношение к идее «нейтральности» исследовательской техники по отношению к идейным позициям ученого. Так, автор ряда источниковедческих работ историк Б. Г. Литвак пишет, что «в историческом познании, несмотря на безусловно

¹ «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 5.

классовый характер истории как науки, объективно существуют такие приемы изучения предмета, которые как бы равнодушны к классовой позиции исследователя»², причем именно эти приемы являются «стержнем конкретного источниковедения»³. Аналогичные высказывания содержатся в книге философов А. Вербина и А. Фурмана: «...надо иметь в виду, что «техника исторического исследования» в отличие от методологии развивается не по законам идеологической преемственности, а по законам познавательной преемственности. Этим объясняется сохранение в рамках марксистского источниковедения многих приемов и методик из буржуазного источниковедения»⁴. Внимательное изучение работ указанных авторов, в частности Б. Г. Литвака, показывает, что мы имеем дело лишь с неудачными формулировками хотя и заслуживающими критических замечаний⁵, но отнюдь не свидетельствующими о том, что идея методологической «нейтральности» исследовательской техники может получить сколько-нибудь сознательную поддержку со стороны советских ученых.

Идея «независимости» методики исторических исследований по отношению к методологическим позициям историка не раз подвер-

² Б. Г. Литвак. О путях развития источниковедения массовых источников.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 103.

³ Там же.

⁴ А. Вербин, А. Фурман. Место исторического материализма в системе наук. М., 1965, стр. 105.

⁵ См., например, рецензию: К. Г. Левыкин. О некоторых проблемах источниковедения.— «Вопросы истории», 1972, № 1, стр. 153—154.

галась критическому рассмотрению в советской литературе. Развернутое изложение вопроса дано, в частности, в работах А. И. Данилова, который пишет: «Тезис о «нейтральности техники исторического исследования» противоречит всей истории исторического знания. Появление каждого нового направления в исторической науке всегда находило свое выражение не только в рассмотрении исторической действительности на основе новых идейно-методологических принципов, но и в выработке новых источниковедческих приемов, новой методики изучения и использования исторических документов применительно к тем проблемам, которые интересуют представителя этого направления»⁶. Примерно такой же позиции придерживаются Л. В. Черепнин⁷, А. П. Пронштейн⁸ и другие советские ученые, что представляется нам вполне правильным и достаточно обоснованным.

По данному кругу вопросов оживленные дискуссии проходили среди польских историков, в частности в ходе состоявшегося в 1969 г. обсуждения методологических монографий В. Мощенской и Е. Топольского⁹. Дискуссия показала, что многие из ее участников, и в их

⁶ А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии. М., 1958, стр. 8—9.

⁷ См. Л. В. Черепнин. К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического источниковедения. — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 196—200.

⁸ См. А. П. Пронштейн. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971, стр. 7—8.

⁹ Речь идет о книгах: W. Moszeńska. Metodologii historii zarys krytyczny. Warszawa, 1968; J. Topolski. Metodologia historii. Warszawa, 1968.

числе В. Мощенская, склонны рассматривать исторический материализм как нечто, стоящее особняком от методологии истории, к которой, по ее мнению, относятся лишь вопросы методики и техники исторических исследований. Топольский и другие противники такой точки зрения доказывают, что важнейшие положения исторического материализма органически включаются в методологию истории, что их ни в коей мере нельзя отрывать от проблем, связанных с методикой и техникой исторических исследований. Развернутый обмен мнениями, полезность которого несомненна, не привел к окончательной победе какой-либо из сторон¹⁰.

В исторической науке для изучения прошлого исследователь обязательно прибегает к тем или иным историческим источникам.

Хотя слово «источник» принадлежит к числу наиболее употребительных в исторической литературе, единства в понимании этого термина до сих пор не достигнуто¹¹. Одно из определений «источника» содержится в соответствующем томе «Советской исторической энциклопедии» и принадлежит Л. Н. Пушкиреву: исторические источники — это все то, что

¹⁰ Материалы дискуссии опубликованы в журнале: «Kwartalnik Historyczny», 1970, № 4, s. 709—905; краткое изложение см.: «Вопросы истории», 1972, № 2, стр. 197—199.

¹¹ См., например: С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения. — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 27—33. Применительно к польской исторической науке — М. Н. Терешко. Понятие исторического источника в современной польской методологии истории. — «Проблемы социальных исследований», вып. 1. Томск, 1971, стр. 56—67.

непосредственно отражает исторический процесс и дает возможность изучать прошлое человеческого общества, т. е. все созданное ранее человеческим обществом и дошедшее до наших дней в виде предметов материальной культуры, памятников письменности, идеологии, нравов, обычаев, языка¹². Другое определение мы находим в упоминавшейся уже книге А. П. Пронштейна: «...историческими источниками можно считать все продукты деятельности людей, содержащие в себе факты, которые непосредственно отражают реальные явления общественной жизни и свидетельствуют о закономерном процессе развития человеческого общества»¹³.

В методологическом смысле важнейшее значение имеет то, что историки-марксисты видят в источниках объективно существующее отражение реальной жизни. Именно эта сторона дела подчеркивается Г. М. Ивановым, который пишет: «Исторический источник... не существует вне материальной формы реликта как какая-то особая субстанция или совершенно независимая от него функция. Всякий исторический источник субстанционально является реликтом, но не всякий реликт функционально выступает как исторический источник»¹⁴.

Современные же буржуазные ученые в большинстве своем высказывают совершенно иную

¹² См. «Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965, стр. 591.

¹³ А. П. Пронштейн. Указ. соч., стр. 18.

¹⁴ Г. М. Иванов. Гносеологические основы исторического источника.— «Философские науки», 1973, № 3, стр. 32—33.

точку зрения. Так, французский историк А. Марру заявляет, что значение источника зависит не столько от его содержания, сколько «от самого историка, его инициативы, умения использовать инструменты работы, его знания, и прежде всего от того, каков он сам, его интеллект, восприимчивость и культура». При этом он справедливо подчеркивает, что для глубокого понимания источника нужна высокая квалификация исследователя, но в то же время подвергает сомнению объективный характер содержащейся в источнике информации. Американский ученый Е. Тепп идет еще дальше и полностью становится в данном вопросе на позиции субъективного идеализма, относя исторический источник к категориям, которые существуют лишь в воображении людей, в их мышлении¹⁵.

Что касается научной дисциплины, изучающей исторические источники, то она в недавно вышедшем учебном пособии определяется так: «Источниковедение занимается выявлением, классификацией источников, установлением места и времени возникновения источника, его авторства, изучением его достоверности и полноты, разработкой методов анализа источников»¹⁶. Раскрывая и конкретизируя это определение, советские историки в последнее время пришли к убеждению, что, во-первых, источниковедение следует рассматривать как главную из вспомогательных исторических дисциплин, а во-вторых, что его проблематику необходимо подразделять на

¹⁵ См.: А. П. Пронштейн. Указ. соч., стр. 19.

¹⁶ «Источниковедение истории СССР». Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973, стр. 3.

общее, или теоретическое, источниковедение и источниковедческую практику или конкретное (частное) источниковедение. О теоретическом источниковедении С. О. Шмидт пишет: «Важнейшими задачами теоретического источниковедения является исследование структуры и свойств источниковедческой информации, теории, методики, истории и организации этой информации, способов ее сохранения и изучения этой проблематики»¹⁷. Переходя к конкретному источниковедению, С. О. Шмидт подробно характеризует различные его срезy и уровни, но краткой дефиниции этому понятию не дает. Тесные взаимосвязи истории и источниковедения в методологическом и в иных аспектах подчеркивают С. М. Каштанов и А. А. Курносyв. По их мнению, «источниковедение может рассматриваться как теория и методика добывания исторических фактов, а история — как теория и методика осмысления исторических фактов», причем «осуществление источниковедческих задач невозможно без одновременного выполнения задач исторического анализа и синтеза»¹⁸.

Важный дискуссионный узел теоретического источниковедения образуют вопросы, относящиеся к природе исторического источника. Они тесно связаны с рассматривавшимися выше спорами о специфике исторического познания. Специфику эту многие ученые склонны видеть прежде всего в опосредственности ис-

¹⁷ С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 118.

¹⁸ С. М. Каштанов, А. А. Курносyв. Некоторые вопросы теории источниковедения.— «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 176.

торического познания, в постоянном наличии между исследователем и предметом исследования промежуточного звена в виде исторического источника. Однако за последнее время все чаще раздаются голоса, что такое положение не является чем-то исключительным, что «ситуация, при которой кроме личных используются также чужие наблюдения, является характерным условием, пожалуй, всякого научного познания»¹⁹. Думается, что соображения такого рода основательны по отношению если не ко всем, то к очень многим наукам.

С определением природы исторических источников теснейшим образом связана проблема их классификации, занимающая видное место в теоретическом источниковедении. Этой проблеме посвящено немало специальных работ, причем разрабатывается не только прикладная (по отношению к исторической науке), но и общетеоретическая сторона проблемы²⁰. Тем не менее пока что не выработано ни общепринятой классификационной схемы для всего многообразия исторических источников, ни принципов, на основе которых можно было бы создать такую схему²¹.

¹⁹ *J. Topolski*. Указ. соч., стр. 220.

²⁰ Обзор русской дореволюционной и советской литературы см.: *Л. Н. Пушкирев*. Вопросы классификации источников в русской исторической науке XIX—XX вв.—«История СССР», 1963, № 5; *его же*. Классификация источников в советском источниковедении (1917—1964).—«Вопросы архивоведения», 1965, № 1; *К. И. Рудельсон*. Современные документальные классификации. М., 1973.

²¹ См. *М. К. Макаров*. О принципах классификации письменных источников.—«Труды МГИАИ», т. 16, стр. 23—24 и др.

В начале XX в. существовала простая и относительно четкая система классификации, которой с некоторыми уточнениями в деталях пользовались Э. Бернгейм, А. С. Лаппо-Данилевский и некоторые другие зарубежные и русские историки. Она основывалась на отделении остатков культуры, в которых материализовались факты прошлого, от исторических преданий, которые изображали эти факты. Аналогичных позиций придерживался Ш. Сеньобос, видевший в одних источниках непосредственные следы прошлого, к которым можно подходить с полным доверием, а в других — нечто опосредствованное и потому не столь убеждающее, «косвенное средство к постижению внешних фактов»²². Довольно близки к этой двухчленной схеме те современные западные историки, которые подразделяют источники на «намеренные», где запечатлена тенденция их создателей, и «ненамеренные», возникшие без каких-либо тенденций и потому более ценные. Такую схему, в частности, дает бельгийский историк и философ Пьер Сальмон. Называя источники историческими «документами», он делит их с точки зрения происхождения на «намеренные», которые «корректировались людьми», сознательно предназначавшими информацию для современников или потомков, и «ненамеренные», представляющие собой просто «следы» повседневной человеческой деятельности²³.

²² Ш. Сеньобос. Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902, стр. 16.

²³ См. рецензию на книгу П. Сальмона, подготовленную Г. М. Ивановым. — «Вопросы истории», 1971, № 10, стр. 190—191.

Интересный материал по классификации источников содержит современная польская литература. Свою классификационную схему Лябуда построил, различая источники по преобладанию в их содержании элементов физических (эрготехнические источники), психологических или социальных (соответственно психотехнические и социотехнические источники); к четвертой группе им отнесены источники, непосредственно отражающие в себе все три перечисленные сферы — они названы традиционными²⁴.

Вопрос о классификации источников подробнейшим образом разобрал в своей монографии по методологии истории Е. Топольский²⁵. Считая, что принципы, на которых основаны существующие классификации, имеют ошибки с точки зрения логики и семантики, он предложил свою собственную схему, построенную на сочетании двух дихотомических (т. е. двухчленных) классификаций, из которых первая подразделяет источники на непосредственные и опосредствованные («остатки» и «предания»), а вторая — на письменные и вещественные (неписьменные). Составные части первой из этих дихотомий, имеющей, по мнению Топольского, гносеологический или методологический характер, определяются следующими признаками. «Остатки» познаются непосредственно, они являются элементами действительности, воздействуют на историка

²⁴ G. Labuda. Próba nowej systematyki i nowej interpretacji źródeł historycznych. — «Studia źródłoznawcze», 1957, t. 1, str. 3—52.

²⁵ Подробнее см.: J. Topolski. Указ. соч., стр. 267—271.

без промежуточных звеньев и не требуют подтверждения подлинности. Для «преданий» характерно опосредствованное познание, причем между действительностью и историком оказывается третье лицо, изображающее события со своей точки зрения и в собственной «знаковой системе»; отсюда необходимость «дешифровки» и особая важность проверки достоверности информации. Вторую дихотомию Топольский называет источниковедческой; первая из составных частей охватывает большую часть имеющихся источников (письменные), а вторая — вещественные памятники и все то, что передает информацию не посредством письма, а иными средствами.

Советское источниковедение в свою очередь выдвинуло ряд классификационных схем, имеющих как теоретическую, так и практическую ценность.

В первом издании учебника «Источниковедение истории СССР» (1940 г.) было принято традиционное деление источников на «остатки» и «предания». Автор соответствующей части текста М. Н. Тихомиров отказался от своей точки зрения в 1958 г., но немногочисленные сторонники такой классификации (в частности, С. И. Якубовская) продолжают отстаивать ее и сейчас. Между тем еще в 30-х годах С. Н. Быковский убедительно показал, что все источники, в том числе и «остатки», нельзя воспринимать без внутренней критики, ибо они отражают прошлое более или менее искаженно, «в связи с характером мировоззрения эпохи, класса и т. д.»²⁶. Учитывая это,

²⁶ С. Н. Быковский. Методика исторического исследования. Л., 1931, стр. 31.

группа преподавателей Московского государственного историко-архивного института в начале 50-х годов предложила (по инициативе А. А. Зимина) классификацию источников, основанную на их содержании, а не на происхождении. По их мнению, все источники следовало делить на материалы, характеризующие: а) социально-экономическую историю, б) историю внутренней и внешней политики, в) историю общественно-политической мысли и культуры. Эта классификационная схема, сходная с упоминавшейся выше классификацией Г. Лябуды, подверглась обоснованной критике специалистов (в частности, В. К. Яцунского), что привело к изъятию ее из программы курса источниковедения в МГИИ.

С. М. Каштанов и А. А. Курносков, продолжая разработку проблемы, решили вернуться к принципу происхождения. В 1962 г. они предложили деление источников на три группы: а) возникшие в сфере социально-экономических отношений; б) сложившиеся в области социально-политической борьбы, общественной мысли и культуры; в) появившиеся в сфере семейно-личных отношений²⁷. Одновременно с частичной классификационной схемой выступил В. И. Стрельский, предложивший все источники по истории России в эпоху империализма разбить по происхождению на две основные группы²⁸. Классификация В. И. Стрельского тут же подверглась критике со стороны

²⁷ С. М. Каштанов, А. А. Курносков. Некоторые вопросы теории источниковедения.— «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 179.

²⁸ В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.— 1917 г. М., 1962, стр. 20.

С. М. Каштанова и А. А. Курносова, а их собственная схема вызвала обоснованные возражения Л. В. Черепнина, Е. А. Луцкого и Л. Н. Пушкарёва²⁹.

Следующий этап решения вопроса связан с попытками соединить учет происхождения и содержания источников с их классификацией по видам в соответствии с наиболее существенными формальными признаками. Речь шла, разумеется, не об отходе от марксистского принципа единства формы и содержания, а о более пристальном внимании к тем критериям, которые особенно важны для источниковедения как научной дисциплины, призванной выработать дифференцированные приемы исследования различных групп источников. Соответственно источники прежде всего делились по их происхождению в рамках определенной общественно-экономической формации, а затем — с учетом формальных признаков — по видам. О. М. Медушевская, которая вместе с другими специалистами теоретически обосновывала эту точку зрения, особенно подчеркивает, что видовая классификация вовсе не сводит дело к его формальной стороне. «Общность признаков, определяющих вид, складывается, таким образом, из сознательно введенной в источник информации в соответствии с его назначением и формы, признанной в данное время наиболее соответствующей этому назначению»³⁰.

²⁹ Материалы обсуждения статьи С. М. Каштанова и А. А. Курносова см.: «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 189—193.

³⁰ О. М. Медушевская. Сборник, подготовленный историками ГДР, и вопросы источниковедения. — «Советские архивы», 1968, № 4, стр. 120.

Деление источников по видам в последнее время дополнилось делением на более крупные группы — типы. Инициаторами при этом выступили сначала С. О. Шмидт³¹, а затем Л. Н. Пушкарев. Автор последней из обобщающих работ по методике исторического исследования А. П. Пронштейн, руководствуясь «принципом разделения источников по типам и видам», разбил их на следующие семь основных групп: письменные; вещественные; этнографические; устные или фольклорные; лингвистические; фотокинодокументы; фонодокументы³².

Исследовательская работа историка начинается обычно с выявления необходимых источников. Этому разделу источниковедения, получившему название эвристики, посвящено много специальных работ, имеющих иногда теоретический, но большей частью конкретно-прикладной характер. В качестве примера первой из указанных разновидностей может служить статья Л. Е. Шепелева о теоретических вопросах архивной эвристики³³, в качестве примера второй разновидности — монография Н. Н. Улащика об источниках по истории Белоруссии³⁴.

³¹ См. С. О. Шмидт. Типологическая классификация источников.—«Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, стр. 438.

³² См. А. П. Пронштейн. Указ. соч., стр. 32.

³³ См. Л. Е. Шепелев. Проблемы архивной эвристики.—«Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX—начала XX века». Л., 1967, стр. 5—25.

³⁴ См. Н. Н. Улащик. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973.

Когда историк приступает к работе над отобранными для ознакомления источниками, то первая его задача заключается в расшифровке и освоении текста, в установлении его происхождения (в смысле авторства, времени, места и целей составления), наконец, в определении подлинности источника. В этих операциях, относимых обычно к внешней критике источника, исследователю оказывают помощь палеография, эпиграфика, текстология, сфрагистика, дипломатика и другие вспомогательные исторические науки. Лишь после завершения внешней критики ученый может перейти по-настоящему к следующей стадии — к установлению полноты, достоверности и точности сведений, содержащихся в источнике, к выявлению его классовой и политической направленности. Данный этап принято называть либо внутренней критикой источника, либо герменевтикой. Тенденцию к проведению резкой грани между двумя этапами критического рассмотрения источников, свойственную буржуазной науке, в том числе современной, нельзя считать достаточно обоснованной, так как внешняя и внутренняя критика источника связаны друг с другом настолько тесно, что зачастую разделить их просто невозможно³⁵.

Значение критики источников в исторической науке очень велико и потому естественно, что определение ее целей и задач включается в число наиболее важных проблем теоретиче-

³⁵ Справедливо отмечая это обстоятельство, С. Н. Быковский, а вслед за ним и другие советские ученые предложили отказаться от деления критики источников на внешнюю и внутреннюю.

ского источниковедения³⁶. Это положение относится как к внешней, так и к внутренней критике источника. Имея в виду первую из них, буржуазные ученые Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос заявляли: «...на практике весьма редко встречается потребность знать, что думал автор. Цель критики — выяснить, точно ли он передал факты»³⁷. Марксистское же источниковедение исходит из того, что, не зная социально-политической позиции автора, мы не можем до конца решить вопрос о подлинности документа. Еще более значительны наши расхождения с буржуазной наукой в понимании задач и приемов внутренней критики. Ее никак нельзя осуществить, оставаясь на формальных позициях, не проникая в самую глубину тех социально-политических условий, в которых возник данный источник.

Теоретическое источниковедение, как и источниковедческая практика, в большинстве случаев рассматривает вопросы определения достоверности источника отдельно от вопросов подлинности, хотя наличие связи между ними очевидно. Определение достоверности не исчерпывает внутренней критики источников, но является ее важнейшей задачей. М. Н. Терешко, посвятивший специальную статью методологическим принципам, которые необходимо соблюдать при проверке достоверности, называет три таких принципа: «Во-первых, это принцип историзма, конкретно-исторический подход к рассмотрению источ-

³⁶ Подробнее см.: А. Ц. Мерзон. Основные задачи критики исторических источников. М., 1953 (ротапринт).

³⁷ Ш. Ланглуа, Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899, стр. 132.

ников в их взаимосвязи и развитии, в связи с развитием самого исторического процесса. Во-вторых, классовый, партийный подход к анализу и оценке исторических источников и критика методологических концепций теории буржуазного источниковедения. В-третьих, применение различных научных методов и приемов проверки достоверности исторических источников»³⁸. Два первых из указанных М. Н. Терешко принципов задолго до него выделил С. Н. Быковский, только он назвал их «приемом методологических соображений». Что касается третьего принципа, то его Быковский конкретизировал, включив в него: «прием исторической аналогии», методы «сопоставления», «привлечения данных вспомогательных исторических дисциплин» и «метод пережитков»³⁹.

Теперь от определения достоверности источника мы можем перейти к проблеме интерпретации его содержания в исторических исследованиях. Было бы неправильным думать, будто проблема эта относится только к завершающему этапу работы над источниками, хотя именно на этом этапе она приобретает особую остроту. Отправную позицию для интерпретации источников историкам-марксистам дает исторический материализм⁴⁰. Принципиально обоснованная и заранее осознан-

³⁸ М. Н. Терешко. Некоторые методологические принципы проверки достоверности исторических источников.— «Проблемы методологии и логики наук», вып. 6. Томск, 1970, стр. 172.

³⁹ С. Н. Быковский. Указ. соч., стр. 146—156.

⁴⁰ См. об этом Н. М. Дружинин. Воспоминания и мысли историка. М., 1967, стр. 105.,

ная партийность в подходе к источникам вовсе не толкает историка-марксиста к предвзятому истолкованию событий. Напротив, она помогает ему обнаружить и вскрыть классовую и политическую тенденцию источника, позволяет увидеть историческую действительность такой, как она была.

Всячески стремясь использовать всю совокупность сохранившихся источников, исследователь не должен превращать поиски нового материала в самоцель. Между тем есть немало ученых, особенно специалистов по древней и средневековой истории, склонных к фетишизации источников⁴¹. У специалистов по новой и новейшей истории, где объем сохранившихся материалов очень велик, фетишизация источников принимает иные формы: некоторые исследователи стремятся во что бы то ни стало дать побольше архивных ссылок даже тогда, когда основные источники по их теме давно опубликованы. В одной из своих работ А. И. Данилов писал: «Прогресс исторического познания... не в меньшей мере заключается в том, что новые поколения исследователей приобретают с помощью ранее известных источников такие данные, которые прежде были недоступны историкам»⁴². Действительно, новое прочтение старых источников бывает иногда столь же важно, а то и важнее, чем привлечение хотя и нового, но далеко не первостепенного архивного материала.

⁴¹ Об этом см., например, в выступлении академика Б. А. Рыбакова.— «История и социология», стр. 61.

⁴² А. И. Данилов. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука.— «Средние века», вып. 24. М., 1963, стр. 11.

С точки зрения логики интерпретация является одной из форм научного объяснения. Естественно, что в отличие от описания она требует не только широкого использования так называемого внеисточникового знания, но и применения различных видов объяснения (генетического, причинного, структурного) и различных его форм (психологической, социологической, логической), а также использования аналогий, моделей, создания гипотез и т. д. Любая из логических процедур может быть с успехом использована и фактически используется в исторической науке в том случае, если исследователь не гипертрофирует ее значение, не превращает одну или несколько процедур в нечто исключительное, решающее сразу все задачи исследования. Результаты односторонности и увлечений в этом вопросе можно продемонстрировать на примере бесплодности «теории охватывающего закона», разработанной современными западными теоретиками К. Поппером и К. Гемпелем и основанной главным образом на причинно-следственных зависимостях между явлениями⁴³.

За последнее время в советской литературе появились работы, дающие теоретическое осмысление процесса интерпретации источников в исторической науке. В одной из них, написанной А. И. Уваровым, об этом процессе говорится следующее: «Исторический источник и историческая теория, несмотря на всю их тесную взаимную связь... явления разного

⁴³ См. И. С. Кон. К спорам о логике исторического объяснения (Схема Поппера—Гемпеля и ее критики).— «Философские проблемы исторической науки». М., 1969, стр. 274—275 и др.

порядка и они не могут просто так, непосредственно контактировать друг с другом, образовывать нечто единое... Исторический источник — это лишь абстрактное основание исторической теории... Подлинной же основой, конкретной ее основой выступает модель, созданная именно для определенной данной исторической теории. Следовательно, связующим звеном между памятником и теорией в исторической науке служит *источниковедческая модель*, поскольку исторический факт уже входит в собственно историческую теорию, в ее состав»⁴⁴.

Не со всеми положениями А. И. Уварова можно полностью согласиться, да и термин «источниковедческая модель» далеко не идеален. Однако в рассуждениях этого ученого много справедливого. В самом деле, источник никогда не входит в историческое объяснение без изменений. Он предварительно очищается от разного рода неточностей, дополняется сведениями из других источников и внеисточниковой информацией, а затем трансформируется в мыслительную абстракцию, которая, собственно, и служит строительным материалом для обобщений и выводов историка. Соотношение между фрагментом источника, который привлек внимание исследователя, и окончательным результатом его работы на источниковедческом уровне примерно такое же, как

⁴⁴ А. И. Уваров. Проблема теории и источника в исторической науке.— «Проблемы методологии и логики наук», вып. 6, стр. 195. Об источниковедческих и иных моделях, создаваемых в ходе исторического исследования, см.: М. П. Завьялова. О моделировании в историческом исследовании.— «Проблемы методологии и логики наук», вып. 5. Томск, 1969.

соотношение между историческим фактом и фактом историографическим (о чем говорилось в предшествующей главе). Так же как и в указанном случае, «источниковедческая модель» не является частью реально существующего источника, но тем не менее она более или менее адекватно отражает его реальное содержание, а соответственно и ту историческую действительность, о которой говорится в источнике⁴⁵.

В заключение остановимся еще на одной специфической задаче источниковедения. Она связана с теми пробелами в источниковой базе, которые исследователь зачастую обнаруживает при изучении избранной им темы. Эти пробелы, иногда весьма существенные, бывают обусловлены тем, что многие из источников не дошли до нас в результате стихийных бедствий или по иным причинам. Но чаще они являются последствием определенных социально-экономических и политических условий, при которых положение и интересы народных масс фактически не получали отражения в источниках⁴⁶.

Недостаток источников, как и недостаток информации в имеющихся материалах, иногда

⁴⁵ Более подробно концепция А. И. Уварова изложена в его монографии «Гносеологический анализ теории в исторической науке» (Калинин, 1973). Ряд интересных соображений, высказанных по данному кругу вопросов польскими историками, приводятся в статье М. Н. Терешко «Теоретические проблемы критики и интерпретации источников в современной польской методологии истории». («Вопросы теории как формы мышления», вып. 1. Томск, 1970, стр. 87—111).

⁴⁶ Подробнее см.: Ц. Бобиньская. Пробелы в источниках. Методологический анализ.— «Вопросы истории», 1965, № 6.

заставляет историков прибегать к гипотезам, т. е. к построению лишь отчасти обоснованных «источниковедческих моделей», или к разработке различных версий о предполагаемых составных частях источника, даже о целых источниковедческих комплексах, которые следовало бы искать. Выдвижение гипотез является законным приемом теоретического мышления, и историческое познание в этом смысле не составляет исключения. Упомянувшийся выше бельгийский ученый П. Сальмон совершенно прав, когда он заявляет, что гипотеза является «необходимым элементом исторической реконструкции»⁴⁷. Однако следует помнить, что в отличие от физико-математических и естественных наук, где существуют значительно более точные и однозначные способы проверки гипотез, в истории необходимо по отношению к ним проявлять особую осторожность. Нельзя, как это иногда бывает, нагромождать одно предположение на другое, или, выдвинув гипотезу, тут же превращать ее в «неопровержимый» довод для обоснования дальнейших умозаключений. Если же ученый осмотрителен при выдвижении гипотез и с полной ответственностью подходит к их научному обоснованию, то они могут принести и приносят пользу как в сфере источниковой эвристики, так и в сфере интерпретации собранного материала.

⁴⁷ См. Г. М. Иванов. П. Сальмон. История и критика.— «Вопросы истории», 1971, № 10, стр. 191.

Х Методологические проблемы на XIII Международном конгрессе исторических наук

Каждый из международных конгрессов историков (они проходят, как правило, раз в пять лет) является значительным рубежом в развитии исторической науки. На последнем конгрессе, состоявшемся в Москве в августе 1970 г., методологические проблемы заняли одно из ведущих, если не самое ведущее место. Причина этого заключается в общем росте интереса к соответствующему кругу вопросов и в обострении методологических дискуссий среди ученых-историков. Проблемы методологии так или иначе затрагивались при обсуждении многих докладов. Ни в коей мере не претендуя на исчерпывающую полноту освещения работы конгресса, остановимся кратко на докладах, посвященных общим проблемам методологии, оставив для следующей главы вопросы, связанные с применением в исторической науке некоторых новых методов и приемов исследования.

На XIII Международном конгрессе исторических наук в центре методологических дис-

куссий оказались вопросы о месте истории в системе наук и о выделении предмета исторических исследований из того, что изучают другие науки об обществе. Этим вопросам были посвящены специальные выступления шести ученых западных стран, представлявших все основные направления буржуазного обществоведения на современном этапе его развития.

Взаимоотношения исторической науки и лингвистики осветил стоящий несколько особняком доклад французского ученого А. Дюпрона. Рассматривая язык как «живое тело», которое неизбежно «становится между содержанием материала и историком»¹, он горячо и заинтересованно призывал к использованию в историческом познании результатов лингвистических исследований. Значение лингвистики для историков оценивается Дюпроном не без некоторых преувеличений. Тем не менее убедительность его общих доводов и полезность конкретных замечаний совершенно неоспорима, в особенности когда речь идет об исторической семантике. Дюпрон прав, что историки не уделяют должного внимания этой стороне дела, что они не очень разборчивы в употреблении слов, содержание которых в разное время и в разных условиях было далеко не одинаковым. «Примером,— говорится в докладе,— может служить употребление слова *революция*... После «Истории революции в Англии» или «Истории революции в Нидерландах», близких по смыслу и обстоятельствам, в изобилии появляются всякие «Рим-

¹ А. Дюпрон. Язык и история. М., 1970, стр. 17.

ские революции», «Революции в Персии», «Революции арабов» и т. д.»².

А. Дюбюк (Канада) в своем докладе «История на перекрестке социальных наук», признавая, что общественные науки за последние полвека чрезвычайно обогатили историю и поставили перед ней новые проблемы, счел необходимым указать на приоритет исторической науки перед остальными гуманитарными дисциплинами. «...История, — заявил он, — по праву может называться матерью всех прочих общественных наук»³. Современное состояние исторической науки Дюбюк оценил пессимистически. Одну из причин этого он видит в том, что история, как научная дисциплина, не имеет собственного технического языка, не развила своей системы понятий и научных категорий. Касается Дюбюк и вопроса о партийности позиции историка. Гуманитарные науки, по его мнению, «никогда не смогут претендовать на то, чтобы обходиться без идеологии... Претендующие на то, что они стоят в стороне от любой идеологии... заблуждаются и вводят в заблуждение других. На самом деле положение об исчезновении идеологий есть наиболее идеологическое из всех прочих»⁴.

Представитель ученых Кипра Т. Пападопулос посвятил свой доклад подробному сопоставлению методологии истории и социологии. Он высказался за методологическую автономию исторической науки «в действиях синтеза

² Там же, стр. 23.

³ А. Дюбюк. История на перекрестке гуманитарных наук. М., 1970, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 10—11.

и интерпретации», подчеркнул существенное отличие между историей и социологией в понимании такой категории, как время. «Динамизму непрерывности в истории,— говорится в докладе,—противопоставляется синхронная и статическая экстраполяция времени в социологии...»⁵. Другое важное отличие истории от социологии Т. Пападопулос видит в том, что первая в значительной мере имеет дело преимущественно с неповторимыми явлениями и случайностями, тогда как вторая изучает главным образом массовые явления и закономерности процесса. Отсюда его убеждение, что «индетерминизм истории, вернее, возможность индетерминизма, неотделимая от исторического процесса, приводит нас к необходимости пересмотра методов социальных наук, или, по крайней мере, к ограничению их применения»⁶.

Противопоставление друг другу исторической науки и социологии по указанным причинам основано на непонимании той диалектической взаимосвязи между случайностью и закономерностью, которая давно выяснена марксистско-ленинской теорией (см. главы V, VI). Тем не менее доклад Пападопулоса интересен, во-первых, выявлением многих конкретных областей, где история и социология сосуществуют и исследуют практически одни и те же явления, а во-вторых, констатацией того, что за последнее время наблюдается процесс, который в докладе истолковывается как «накопление детерминизма в истории».

⁵ Т. Пападопулос. Метод социальных наук в исторических исследованиях. М., 1970, стр. 7.

⁶ Там же, стр. 21.

Двойственность позиции Пападопулоса обуславливает противоречивость его окончательных выводов. С одной стороны, определяя границы применения методов социальных наук в истории, Пападопулос заявляет, что эти методы «создают основу для объяснения историей явлений в той мере, в какой оно (объяснение) охватывает детерминистическое содержание истории», а с другой — ищет способов «противостоять антиисторическому аргументу, который отрицает возможность предсказаний хода истории при помощи рациональных методов»⁷. В такой позиции отчетливо просматривается и вынужденное признание методологического несовершенства буржуазной исторической науки и неумение до конца вскрыть причины этого явления, непонимание того, где следует искать выход из создавшегося положения.

Вопрос о взаимоотношении исторической науки с социологией затронул в своем докладе и итальянец Э. Сестан. Сопоставляя друг с другом то, что на западе принято называть «историей событий» и «историей структур», он весьма критически отнесся к первой из них. Что касается второй, то о ней в докладе сказано так: «Нравится это кому-либо или нет, но не вызывает сомнения, что структуральная историография, несмотря на риск скатиться до идентификации ее с социологией исторического прошлого, является передовой историографией нашего времени...»⁸

⁷ Там же, стр. 24—25.

⁸ Э. Сестан. История событий и история структур. М., 1970, стр. 12.

Сестан был единственным из западных ученых, который в докладе общеметодологического характера широко затронул теоретические проблемы источниковедения, связанные с пониманием термина «факт» в исторических исследованиях⁹. Занимая в данном вопросе релятивистскую, субъективно-идеалистическую позицию, Сестан подчеркивает, что историк не может и не должен фиксировать все факты, что он свободен в формулировке научной проблемы. Следовательно, заявляет он, у историка «остаётся двойной выбор: исторической темы (которая определяется в действительности рядом фактов) и «исторических» фактов, которые характерны для этой темы и придают ей форму. Несомненно, этот выбор глубоко субъективен и обусловлен той средой и тем временем, в котором историк живет, его взглядами на жизнь во всех ее аспектах с политическими, экономическими, социальными, религиозными и моральными проблемами»¹⁰.

Рассуждения Сестана еще раз показывают нам, по какому пути идут в данном вопросе некоторые западные ученые, тщетно ищущие подлинно научную методологию с помощью субъективно-идеалистических гносеологических концепций. Конечно, историк осуществляет отбор фактов, исходя из своих социально-политических, т. е. партийных, позиций и в соответствии со своей научной квалификацией. Однако это вовсе не значит, что отбор этот полностью произволен и что объективная

⁹ Там же, стр. 5.

¹⁰ Там же, стр. 6.

истина для исторической науки в принципе недостижима. Те, кто думает так, абсолютизируют в первом случае одну из ступеней исторического познания, во втором — одну из черт общественного сознания в классовом обществе. И в обоих случаях это приводит к ошибкам, лучшим противоядием от которых служит марксистская диалектика, исторический материализм, марксистско-ленинская теория познания.

Западногерманский историк Т. Шидер четко изложил ту позицию, которую он занимает в спорах о месте истории в современном научном познании. «Мы хотим здесь, — говорится в его докладе, — выступить в защиту тезиса о том, что история не должна отказываться от роли самостоятельной науки и что нет никаких серьезных аргументов, которые доказывали бы обратное»¹¹.

Объекты исследования истории и социальных наук, по мнению Шидера, одни и те же, разница лишь в том, что история изучает их прошлое, а социальные науки — настоящее и будущее. Это весьма существенно, — пишет он, — ибо историк всегда знает, чем завершилась любая самая сложная ситуация, и ему нужно делать над собой усилие, чтобы не забыть о возможных альтернативах. В отношении источниковой базы история также находится в ином положении, чем социальные науки, которые зачастую сами создают себе источники (интервью, опросы и т. п.). Для историка, подчеркивает Шидер, — «все данные, ко-

¹¹ Т. Шидер. Различия между историческим методом и методом социальных наук. М., 1970, стр. 1.

торами он оперирует, это «остатки» прошлых событий... они... никогда не «добываются» для целей исследования»¹².

После развернутого сопоставления, в котором у Шидера все время чувствуется стремление отдать должное социальным наукам, но ни в коей мере не дать в обиду историю, он приводит довод, имеющий далеко не академический характер. «...Социальные науки, и прежде всего социология,— говорит он,— возникли как критические науки буржуазного общества, ставившие себе целью осветить господствующие системы и указать на относительность их значения. В противоположность этому историческая наука, особенно в Германии, возникла из других предпосылок: она скорее была направлена на то, чтобы доказать законность исторически сложившихся форм государства и общества в противовес революционным попыткам их изменения в духе надысторического разума и именно этот разум объяснить особыми историческими условиями»¹³. Таким образом, исчерпав научные доводы в защиту исторической науки, Шидер переходит на политическую почву и пугает своих оппонентов «революционностью» социологии. Вообще Шидер за сближение и взаимопроникновение двух наук, но в то же время он категорически против их полного слияния или подчинения истории социальным наукам. Именно в таком духе звучит итоговый вывод его доклада ¹⁴.

¹² Там же, стр. 7.

¹³ Там же, стр. 20.

¹⁴ Там же, стр. 21—22.

Доклад американского ученого Дж. Хекстера, хотя и был посвящен применению математических или количественных методов в общественных науках, в частности в истории¹⁵, также содержал ряд соображений о месте и предмете исторической науки. Признавая успехи социологии и в общем не возражая против использования ее опыта в истории, Хекстер считает, что для историков речь при этом может идти лишь о коррективах тактического порядка, а вовсе не о новой научной стратегии¹⁶.

Выступления на XIII Международном конгрессе воочию показали, что крупнейшие представители буржуазной исторической науки не удовлетворены своей методологической вооруженностью и внимательно изучают теоретический багаж и исследовательскую технику других общественных наук, в особенности социологии. В поисках выхода из методологического кризиса, наличие которого многие буржуазные историки осознавали задолго до конгресса, среди буржуазных историков сложилось три основных направления¹⁷.

Первое из этих направлений связано с известной исторической школой «Анналов», основанной французскими учеными М. Блоком и Л. Февром, а ныне возглавляемой Ф. Броделем. Весьма критично относящийся

¹⁵ J. H. Hexter. History, the Social Sciences and Quantification. — XIII Международный конгресс исторических наук, т. I, ч. 1. М., 1973, стр. 113—143.

¹⁶ См. М. А. Барг. Вопросы метода в современной буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1972, № 9, стр. 81.

¹⁷ См. там же, стр. 70—71.

к неокантианству как методологической основе исторического познания, Бродель заявляет, что накопление огромного количества фактов давно уже поставило перед гуманитариями, в том числе перед исторической наукой, задачу синтеза. Он высоко оценивает успехи лингвистики, антропологии, экономики и других гуманитарных наук, настойчиво высказывается за комплексное изучение общественного развития. Что касается методологии истории, то Бродель и его сторонники выступают за широкую интеграцию истории и других социальных наук, ибо именно в этом они видят средство для преодоления кризиса исторической науки. На XIII Международном конгрессе исторических наук это направление не было представлено докладами, но совершенно очевидно, что оно учитывалось участниками дискуссии.

Для другого направления характерна гораздо более сдержанная позиция. Не отрицая полезности изучения и даже использования опыта социальных наук, его представители твердо отстаивают самостоятельность истории. При этом они всячески стараются подчеркнуть специфику исторического познания, существенные отличия источников и целей исторических исследований от социальных, или, как чаще называют у нас, конкретно-социологических исследований. М. А. Барг относит к этому направлению выступивших на конгрессе Сестана и Шидера. Думается, что к ним довольно близки Дюбюк и Пападопулос, хотя в их позициях есть некоторые более или менее существенные отличия.

Третье направление, наиболее характерное

для историков США, получило свое отражение в докладе Хекстера, который высказывал аналогичные взгляды задолго до конгресса. Суть его позиции сводится к глухой защите традиционных границ между историей и социологией, он делает все возможное, чтобы «отбиться» от энергичных нападений со стороны весьма агрессивно действующих представителей американской эмпирической социологии. Во Франции, а отчасти и в других западноевропейских странах, историки нередко сами вторгаются в социологию и используют ее опыт. «...В США,— по словам М. А. Барга,— ведущая роль в этом «штурме средостений» принадлежит не историографии, а социологии. Социологи в специальных изданиях и на своих конгрессах не перестают убеждать историков в «необходимости», «плодотворности» и даже неотвратимости «кооперации» усилий на ниве исторического исследования»¹⁸.

Методологические дискуссии на XIII Международном конгрессе исторических наук не принесли победы ни одному из трех названных направлений. Наоборот, дискуссия еще раз подтвердила и наличие кризиса в методологии буржуазной исторической науки, и невозможность его преодоления в тех идеологических рамках, которые для нее приемлемы. Фактически на конгрессе полную победу одержала марксистско-ленинская методология истории.

Ее положения прозвучали в докладе венгерского историка Л. Элекеша, посвятившего свое выступление вопросу взаимосвязи между

¹⁸ Там же, стр. 67.

историческим познанием и общественным сознанием. Освещая этот вопрос, Элекеш отметил тенденции неверия в познавательные силы исторической науки, сложившиеся в общественном мнении буржуазных стран. «В наше время,— говорится в докладе,— кажется, уже никто из ученых, занимающихся методологией истории, не разделяет концепций Риккерта о «неповторимом, исключительном» характере исторических явлений и вытекающих из них выводов. Не принимается также более интуитионизм Дильтея и Бергсона. Однако его следы, пусть редко, пусть в измененном и утонченном виде встречаются в исторических работах нашего времени. Сейчас более никто не цитирует оригинальных мыслей Кроче об исторической действительности, сохраненной сознанием исследователя, мыслей, являющихся типичным примером субъективного идеализма, граничащего с солипсизмом. Все реже цитируют известные в свое время лозунги, выдвинутые вдохновителями презентизма: «Каждый сам себе историк» (Беккер) или «Написанная история является делом веры» (Бирд). Однако в более или менее широких кругах исследователей эти концепции также оставили отпечаток... В этих условиях вполне естественно, что относительно широкие заинтересованные круги, даже не зная предыстории вопроса, выражают сомнения и проявляют неуверенность в отношении аутентичности и научной эффективности исторических знаний»¹⁹.

¹⁹ Элекеш. Историческое познание — общественное сознание. (Некоторые аспекты исследования, посвященного роли исторических познаний в формировании мысли и современного мышления). М., 1970, стр. 3—4.

Всему этому Элекеш противопоставил положение в тех странах, где одержала победу марксистско-ленинская историческая концепция. Взгляды историков этих стран и свое собственное отношение к истории как к науке венгерский ученый сформулировал в заключительном абзаце доклада: «Мы рассматриваем исторические знания, со всеми присущими им эмоциональными качествами, как начальную, рациональную и научную форму знания... Историческая наука открывает горизонты, позволяет лучше понять настоящее, дает реальное представление о достигнутых результатах, а также об открывающихся возможностях... Это оправдывает надежды тех, кто надеется, что в будущем к истории будет проявлено не равнодушие, а, наоборот, возросший интерес тех, кто ждет усиления роли, которую должны играть исторические научно обоснованные знания в развитии культуры и формировании общественного сознания»²⁰.

Доклад Элекеша, тема которого далеко не охватывала всех затронутых на конгрессе методологических проблем, дополнялся, расширялся, а отчасти и уточнялся в докладах советских ученых и в выступлениях историков-марксистов из социалистических стран, которые так или иначе затрагивали методологические проблемы. В целом на XIII Международном конгрессе исторических наук, в котором участвовало свыше 1400 ученых, выявилось несомненное превосходство марксистско-ленинской методологии истории, еще раз проде-

²⁰ Там же, стр. 23.

монстрировавшей свою научную обоснованность и цельность, свое теоретическое совершенство и практическую действенность, свою способность успешно решать как те задачи, которые издавна стояли перед исторической наукой, так и те, которые возникают перед ней на современном этапе ²¹.

²¹ Подробнее см.: А. А. Губер. XIII Международный конгресс исторических наук.— «Вопросы истории», 1971, № 6.

XI История в век научно-технической революции

«Современная научно-техническая революция наводит иногда на размышления о неизбежности сужения гуманитарных областей в умственной и духовной жизни людей, о спаде интереса к прошлому, о «девальвации» истории как науки. Действительно ли гуманитарным наукам, и в частности истории, угрожает такая опасность? Окончательный ответ на этот вопрос смогут дать, очевидно, лишь наши потомки. Что же касается сегодняшнего дня, то сколько-нибудь определенной тенденции к «дегуманизации» человеческих интересов пока не прослеживается. Таков по крайней мере вывод тех ученых, которые специально изучали этот вопрос.

А как обстоит дело с методологией истории? На ее общетеоретическую часть научно-техническая революция не оказала и, думается, не может оказать существенного влияния. Общей основой марксистской методологии истории, включая и теоретическое источниковедение, продолжают оставаться исторический

материализм и материалистическая диалектика. Если говорить о методологических доктринах буржуазной историографии, то они несколько трансформировались за последние десятилетия за счет дальнейшего усиления субъективно-идеалистических и релятивистских тенденций, но в целом их идейно-теоретическая сущность также осталась прежней. Однако дискуссий по поводу возможных или кажущихся изменений, особенно в области методики и техники исторических исследований, было немало и разобраться в них следует.

Первая группа вопросов, рассмотрение которых представляется совершенно необходимым, связана с использованием в исторической науке системного подхода, структурализма и структурно-функционального анализа. Как явствует из специальных исследований¹, системный подход возник в биологии и технических науках, структурализм наибольшее распространение получил в лингвистике и этнографии, структурно-функциональный анализ довольно прочные позиции завоевал в изучении современных социальных отношений, т. е. в том, что на западе называют социальными науками, а у нас — конкретной социологией. Границы между этими тремя исследовательскими подходами довольно зыбки, поэтому в нашей литературе они, как правило, просто объединяются единым термином «структурализм».

Появление и развитие структурализма свя-

¹ См., в частности: И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. Философские проблемы исследования систем и структур. — «Вопросы философии», 1970, № 5, стр. 57—68; *их же*. Становление и сущность системного подхода. М., 1972.

зано с тем кризисом естествознания, которым ознаменовалось начало XX в. и который привел к появлению гносеологических концепций, подвергнутых критическому разбору в ленинском труде «Материализм и эмпириокритицизм». Для классической науки прежнего периода в теории познания особенно характерными были элементаризм и механицизм. Первый требовал разделения любого объекта изучения на «элементарные», т. е. неделимые дальше частицы (например, атомы), изучая которые ученые могли уяснить сущность явлений. Механицизм требовал единого принципа объяснения явлений для всех сфер действительности, однозначного детерминизма. Процесс развития науки опрокинул эти концепции и из вполне правомерных антиэлементаристских и антимеханистических настроений стало вырастать понимание необходимости исследования явлений в их целостности и взаимосвязях, т. е. изучения структур и систем.

Советские ученые И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин вполне обоснованно отмечают, что в формировании исходных принципов структурно-функционального анализа основополагающую роль сыграли работы К. Маркса и Ф. Энгельса². К этому несомненно следует добавить, что основоположники марксизма оставили нам многочисленные примеры конкретных систем и структур, описанных и исследованных ими с поразительной глубиной и разносторонностью. В их числе может быть названа общая структура человеческого обще-

² См. И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. Философские проблемы исследования систем и структур.— «Вопросы философии», 1970, № 5, стр. 59.

ства, взятого в целом на протяжении всей его истории, а также отдельные социально-экономические формации, начиная от первобытно-общинной и кончая капиталистической³. В каждом из этих случаев речь идет о макросистеме, обладающей целостностью, иерархической подчиненностью частей, управляемостью и прочими признаками, которыми характеризуют систему современные сторонники системного подхода. В качестве примеров использования структурного подхода, давшего в сочетании с материалистическим пониманием истории блестящие результаты, могут быть названы такие, например, произведения, как «Капитал» Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, а также ленинское «Развитие капитализма в России».

Таким образом, системно-структурные исследования далеко не являются новинкой. Чем же объяснить столь широкий интерес к ним на западе? Думается, что прежде всего объективными факторами, а именно тем, что там все еще не преодолены последствия кризиса в теории познания, охватившего буржуазную науку в начале века⁴. Научный прогресс продолжает разрушать принципы элементаризма и механицизма (вспомните, на-

³ См. *И. Л. Андреев*. Системно-генетический анализ и проблема смены формаций (на материале перехода от первобытной формации к классовому обществу). — «Вопросы философии», 1972, № 4, стр. 57—68.

⁴ Интересные соображения по этому поводу см.: *О. Г. Дробницкий*. Буржуазная социология и социальная философия прошлого. — «Вопросы философии», 1973, № 3, стр. 120—132.

пример, современные достижения атомной физики), ежедневно ставит вопрос о развитии и совершенствовании конкретной методологии, особенно в быстро развивающихся отраслях естественных наук, а также в технике и науке управления. Буржуазные ученые ищут выход, пытаются усовершенствовать свою методологию. Внимательно следя за этими поисками, мы должны интересоваться их результатами.

Венгерский историк Л. Элекеш оценивает влияние структурализма на историческую науку с весьма критических позиций, указывая при этом, что мода на структурализм возникла одновременно с усилением субъективно-идеалистических и релятивистских концепций в буржуазной историографии⁵. На аналогичных позициях стоит представительница чехословацкой исторической науки Г. Полрейхова⁶.

В свою очередь советский философ И. С. Кон, разбирая вопрос о «структурных» и «эволюционных» категориях в современной буржуазной социологии, делает следующие выводы: «Именно злоупотребление формальными определениями при игнорировании специфики явлений лежит в основе многочисленных теорий «конвергенции» капитализма и

⁵ Элекеш. Историческое познание — общественное сознание (Некоторые аспекты исследования, посвященного роли исторических познаний в формировании мысли и современного мышления). М., 1970, стр. 3.

⁶ См. Э. А. Андреева. Чехословацкий историк о современных направлениях в американской буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1973, № 9, стр. 195—196.

социализма, теории «стадий экономического роста» Ростоу и др.»⁷.

Что касается мнения советских специалистов по науковедению, то и они ограничивают применение структурализма сферой частной методологии той или иной науки. «На наш взгляд,— читаем в статье И. В. Блауберга и Э. Г. Юдина,— основная научная значимость системно-структурных исследований в широком смысле этого слова определяется работами, направленными на развитие конкретной методологии научного познания». И далее авторы статьи обращают внимание на то, что, хотя «для самих структуралистов тенденция к идеологизации не характерна», все-таки «в современной буржуазной литературе предпринимались попытки возвести системно-структурный подход в ранг философской концепции, противопоставив ее «традиционной» философии, в том числе диалектическому материализму»⁸. Следует, впрочем, отметить, что такую тенденцию в последние годы отвергают даже те западные ученые, которые считаются корифеями структурализма. Так, в своей монографии «Структурализм» швейцарский психолог Жан Пиаже счел нужным подчеркнуть, что структурный подход является методом, а не доктриной⁹.

⁷ И. С. Кон. История и социология (О некоторых проблемах современной буржуазной социологии). — «Вопросы философии», 1970, № 8, стр. 90.

⁸ И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин. Философские проблемы исследования систем и структур. — «Вопросы философии», 1970, № 5, стр. 64.

⁹ См. Т. А. Сахарова. Жан Пиаже. Структурализм. Париж, 1968. — «Вопросы философии», 1971, № 2, стр. 178.

Из сказанного видно, что системный подход, структурализм и структурно-функциональный анализ не должны включаться в общую методологию, но могут найти свое место в исследовательской практике историков-марксистов. Думается, что их использование оправдано и полезно, но тогда, когда они применяются наряду с другими исследовательскими приемами. Поэтому представляются обоснованными те критические замечания, которые были высказаны в нашей печати по отношению к советским ученым, так или иначе проявившим тенденцию к включению структурализма в состав общеметодологической концепции¹⁰.

Одно время дискуссия советских ученых относительно применения структурализма не была лишена передержек, неизбежно возникающих при слишком горячей полемике. Впоследствии появился ряд работ, рассматривающих соответствующий круг вопросов спокойно и разносторонне. К их числу относится

¹⁰ См. А. И. Данилов. К вопросу о методологии исторической науки.— «Коммунист», 1969, № 5, стр. 68—81; *его же*. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков.— «Методологические и историографические вопросы исторической науки», вып. 6. Томск, 1969; О. Л. Вайнштейн. Теоретические дисциплины истории.— «Критика новейшей буржуазной историографии». Л., 1967, стр. 11—12. Первые две из названных статей отмечают излишнее увлечение структурализмом в работах по средневековой истории Западной Европы, авторами которых являются М. А. Барг, Е. М. Штайерман, А. Я. Гуревич, Л. В. Данилова, Ю. Д. Бессмертный; в третьей статье подвергается критике работа М. А. Барга о применении структурного анализа в исторических исследованиях («Вопросы философии», 1964, № 10).

коллективная работа московских философов, посвященная принципам историзма в исследовании социальных явлений. Ее авторы считают недоразумением отнесение к буржуазной науке метода структурного анализа, как такового¹¹. Одновременно в книге осуждается попытка возведения структурного метода в абсолют, противопоставления его принципу историзма. «Подобная тенденция, — пишут авторы, — сказывается и в некоторых марксистских работах. Поскольку это так, мы можем согласиться с А. И. Даниловым, когда он пишет о недопустимости «гипертрофирования» структурного анализа, выступает против механического переноса в историко-социологические исследования понятийно-логического аппарата структурной лингвистики, кибернетики и т. д. Так же как и Данилову, нам представляется мало полезным, например, следующее определение общественной формации: «Осмысление общества как системы (т. е. сочленения элементов (структур), связей и зависимостей) — самодвижущейся и саморегулирующейся — таково, по нашему мнению, содержание понятия «общественно-экономическая формация»»¹². Но там, где историки-марксисты занимаются не изобретением формализованных схем, но конкретным анализом *реальных* исторических структур, их поиск может указать важные ориентиры, ска-

¹¹ См. «Принцип историзма в познании социальных явлений». М., 1972, стр. 135.

¹² М. А. Барг. О некоторых предпосылках формализации исторического исследования. — «Проблемы всеобщей истории», вып. 1. Казань, 1967, стр. 21.

жем, на пути разработки «типологии» докапиталистических обществ»¹³.

Что касается современной буржуазной науки, то в ней понятия «системный подход», «системный метод», «структурализм», «функционализм» неизменно содержат в себе идеалистические и антидиалектические спекуляции. «Эти спекуляции,— говорится в статье В. Г. Афанасьева,— представляют собой, по сути дела, разновидности своего рода «системного» позитивизма, отказ от решения собственно философских проблем, подмену их частными подходами, придание общеметодологического значения некоторым общенаучным, точнее, межнаучным принципам, и прежде всего принципам математики и логики, не имеющим самостоятельного общепhilosophического, мировоззренческого значения»¹⁴. Если же говорить относительно общеметодологических основ системного анализа, то они, по справедливому замечанию В. Г. Афанасьева, давно уже обоснованы теоретически и блестяще применены на практике (прежде всего для анализа капиталистического производства) К. Марксом и Ф. Энгельсом. Естественно, что марксистская наука не может игнорировать и не игнорирует системный подход. «Такой подход,— заявляет В. Г. Афанасьев,— есть одно из важнейших методологических требований марксистско-ленинской диалектики, одна из форм конкретизации диалектико-

¹³ «Принцип историзма в познании социальных явлений», стр. 135—136.

¹⁴ См. В. Г. Афанасьев. О системном подходе в социальном познании.— «Вопросы философии», 1973, № 6, стр. 98.

материалистического учения о всеобщей связи и всеобщем движении, развитии материальной действительности и форм ее отражения в сознании человека. Только на этой основе можно правильно осмыслить то разнообразие специально-научных приложений системного анализа, которое существует в наше время»¹⁵.

Теоретический орган ЦК КПСС журнал «Коммунист» в редакционной статье «Коммунистическая партийность — важнейший принцип марксистско-ленинской философии», опубликованной в 1970 г., отметил, что вопросы использования системного подхода и структурализма требуют пристального внимания и глубокого марксистско-ленинского анализа. В статье говорится: «Речь... идет не о том, что следует отказаться от разработки и применения в исторической науке приемов системно-структурного подхода, а о недопустимости односторонности, субъективизма и подмены действительно всеобщего метода, метода материалистической диалектики, разного рода приемами, имеющими важное, но все же ограниченное значение»¹⁶.

Другой важной областью поисков являются количественные или математически-статистические методы, о применении которых в исторической науке написано за последнее время очень много¹⁷. Большинство историков отстаивало традиционные задачи и исследователь-

¹⁵ Там же, стр. 99.

¹⁶ «Коммунист», 1970, № 3, стр. 70—71.

¹⁷ См., например: Г. Беккер, А. Босков. Современная социологическая теория. М., 1961; W. J. Cahnman, A. Beskoff. Sociology and History. Theory and Research. London, 1964.

ские методы своей науки, но некоторые капитулировали перед их напором.

Соответствующий круг вопросов оказался в центре методологического раздела программы XIII Международного конгресса историков. В предшествующей главе мы познакомились с докладами, относящимися к данному кругу вопросов, причем рассматривали их только в общеметодологическом плане. Между тем почти каждый из них содержал более или менее пространные отклики на споры относительно применения количественного метода в исторической науке.

Канадец Дюбюк не проявил по отношению к этому методу никакого энтузиазма; более того, он высказал сомнение в целесообразности увлечения им как с теоретической, так и с практической точки зрения. В начале доклада, оценивая современный этап развития буржуазной историографии, А. Дюбюк высказал опасение, что если историки будут так много говорить о количественных методах, то историческая наука рискует впасть в новый позитивизм. В то же время Дюбюк обращает внимание на те трудности, которые, по его мнению, встречает историк в новых условиях. «Машина,— заявляет Дюбюк,— только получает информацию в категориях, определяющих частотность явлений и их соотношения и осуществляющих перевод этой информации на свой специфический язык. В этом случае тому, кто задает программу машине, поручалась бы одна из основополагающих задач историка»¹⁸.

¹⁸ А. Дюбюк. История на перекрестке гуманитарных наук. М., 1970, стр. 7.

Пападопулос (Кипр) считает, что количественный метод является связующим звеном между историей и социальными науками, подчеркивает универсальность этого метода, видит в нем «могучее средство анализа». Однако, будучи убежден, что в историческом процессе наряду с детерминизированными явлениями есть явления, не поддающиеся объяснению с помощью категорий причинности, он видит в этом серьезное препятствие к широкому применению количественного метода в истории¹⁹.

Западногерманский ученый Шидер тоже высказывается за применение количественного метода в истории, но ограничивает область его распространения несколько по-иному. Вот соответствующее место его доклада: «В истории есть обширные области, где решает количество: во всех экономических процессах, при выборах, когда подсчитывается количество голосов, с которыми связываются определенные политические решения. Значительно труднее найти количественный подход к качественным историческим феноменам, например к определенным политическим, религиозным и культурным идеологиям, чтобы определить их распространенность. Не менее затруднительно выразить голыми числами основные единицы исторического процесса с сильными энергетическими или волюнтаристскими элементами, например «власть»²⁰.

¹⁹ См. *Т. Пападопулос*. Метод социальных наук в исторических исследованиях. М., 1970, стр. 16, 17, 19, 21, 24.

²⁰ См. *Т. Шидер*. Различия между историческим методом и методом социальных наук. М., 1970, стр. 16.

Если говорить об имеющихся в буржуазной историографии конкретных случаях использования количественных методов, то их можно указать довольно много. Наибольших успехов в этом смысле достигли, пожалуй, французские ученые, в особенности представители упоминавшейся выше школы «Анналов». В качестве примера здесь может быть названо двухтомное исследование М. Бувье-Ажана и Ж. Мюри об общественных классах во Франции²¹. Из работ историков США назовем монографию Т. Джексона, который попытался с помощью количественного метода установить, было ли классовым американское общество периода войны за независимость²². Его ответ на этот вопрос таков: если исходить из наличия классового самосознания, то Америка 1763—1788 гг. была страной бесклассовой; если же учитывать возможности и фактическое наличие имущественного неравенства, существование целой иерархии экономической мощи и политического влияния, то существование классов не подлежит сомнению²³. Шведы Карл Гёран Андре и Свен Лундквист, как это явствует из их доклада на XIII Международном конгрессе исторических наук, использовали количественные методы при изучении народных движений. Работа эта весьма любопытна как своей организационной

²¹ Рецензию на этот интересный труд, написанную А. Я. Шевеленко, см.: «Новая и новейшая история», 1965, № 2.

²² *T. M. Jackson. The Social Structure of Revolutionary America.* New Jersey, 1965.

²³ Подробную рецензию на книгу Т. Джексона, написанную Изабеллой Русиновой, см.: «Kwartalnik historyczny», 1968, № 1.

стороной, так и методологическими выводами²⁴.

Опыт французских ученых был освещен на конгрессе в докладе Ж. Шнейдера, посвященном применению механических и электронных средств в исторических исследованиях. В докладе дан самый лаконичный, но тем не менее впечатляющий перечень областей, где были успешно использованы количественные методы, вычислительные машины и иная новая техника. Речь идет о лингвистике и литературоведении, о библиографии и обработке источников для гуманитарных наук, о статистических материалах по социальной и экономической истории, о демографии и социологии. Возможности применения количественного метода Шнейдер связывает с появлением документации, более или менее полно отражающей массовые явления. Для Западной Европы уже XV в. открывает определенные перспективы в этом смысле. «Начиная с XVI века,— заявляет Шнейдер,— эти возможности становятся все более и более широкими, а с XIX века количественным методом можно охватить все аспекты общественной жизни, нашедшие отражение в источниках...»²⁵ Высказывая твердую уверенность в том, что использование машин в исторических исследованиях отныне обязательно и неизбежно, Шнейдер считает своим долгом

²⁴ Карл Гёран Андре и Свен Лундквист. Использование массивов исторической информации. Опыт изучения шведских народных движений. М., 1970.

²⁵ Ж. Шнейдер. Машина и история. О применении механических и электронных средств в исторических исследованиях. М., 1970, стр. 6.

высказать некоторые предостережения о возможных издержках, связанных с формализацией процесса исследования. При этом он обращает внимание на проблему отбора источников и классификации имеющихся в них данных по содержанию, на вопросы разработки программы и модели для вычислительной машины, считая, что здесь должна сохраниться решающая роль историка. Итоговый вывод Шнейдера звучит так: «В области исторических исследований обращение к машинам будет играть прогрессивную роль только в том случае, если оно будет сопровождаться исследованиями в области методологии, которые должны иметь доминирующее значение. Ведь хорошо известно, что машина дает только то, что в нее заложено»²⁶.

С точки зрения рассматриваемого круга вопросов значительный интерес представляет опубликованная на русском языке статья французского историка-марксиста А. Собуля. Вслед за Ж. Лефевром он заявляет, что стоящему на материалистических позициях историку недостаточно описывать, а надо еще подсчитывать. «Любая человеческая деятельность,— говорится в статье Собуля,— дает пищу для количественного анализа — и это единственно приемлемый метод для того, чтобы (не считая частных вопросов) делать общезначимые выводы»²⁷. Неправильным и вредным Собуль считает убеждение, будто количественный анализ целесообразен лишь

²⁶ Там же, стр. 10.

²⁷ Альбер Собуль. Некоторые вопросы статистического изучения социальной истории.— «Новая и новейшая история», 1967, № 2, стр. 31—32.

в вопросах экономических. Он убежден, что социальная история также может им пользоваться.

Собуль обращает внимание историков на то, что считать им необходимо, но настойчиво советует остерегаться «головокружения от чисел»²⁸. Главным направлением, где с успехом может применяться количественный анализ, Собуль считает соотношение между условиями, классами и иными социальными группами. Статистическая обработка данных о социальных, религиозных или политических побуждениях и о колебаниях общественного мнения ему представляется делом несравненно более трудным. Однако и такие подсчеты он не исключает даже тогда, когда речь идет о статистике классовых столкновений, как таковых, т. е. о числе волнений, возмущений, выступлений и т. п. Совершенно необходимой Собуль считает статистическую обработку имеющихся биографических сведений, в частности сведений об участниках освободительного движения, сосредоточенных в специальных справочных изданиях. Примером здесь, по его мнению, может служить «Биографический словарь французского рабочего движения», при статистическом анализе которого «множественность биографий позволяет подчеркнуть социальный тип»²⁹.

²⁸ См. там же, стр. 34.

²⁹ Там же, стр. 30. В последней фразе процитированного фрагмента Собуль имеет в виду «Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français», publié sous la direction de I. Maitron, Première partie, 1789—1864, t. I: A—Cz (Paris, 1964); t. II: D—Ly (Paris, 1965).

Значительный опыт использования количественных методов накопили историки европейских социалистических стран. Наибольший интерес их применение вызывает, пожалуй, в Польской Народной Республике. Так, группа краковских историков под руководством Ц. Бобинской использовала количественные методы при изучении истории антифеодальной борьбы польского крестьянства в XVIII в.; коллектив специалистов в Институте истории Польской Академии наук применяет эти методы для исследования социальной структуры Польши начиная с XVI в. (руководят работой М. Богуцкая, Я. Лескевичова и Ст. Калябинский)³⁰.

В Советском Союзе использование количественных методов в исторической науке ведет свою историю от работ В. И. Ленина, написанных еще до революции. В январе 1917 г. им было написано предисловие и сделано несколько набросков для брошюры «Статистика и социология». Она осталась незаконченной, но, несмотря на это, дает массу материала для размышлений³¹. Чрезвычайно характерно, что в брошюре В. И. Ленин

³⁰ Результаты названных работ отчасти получили отражение в серийных изданиях «*Spółeczeństwo Królestwa Polskiego*» (выходит с 1965 г.) и «*Polska klasa robotnicza*» (выходит с 1970 г.). Более полный перечень аналогичных работ польских ученых см.: В. А. Дьяков. Роль социолого-статистических методов при изучении освободительных движений. — «Вопросы истории», 1970, № 12, стр. 65—66.

³¹ Написанные фрагменты см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 349—356. План брошюры и подготовительные материалы см. там же, стр. 389—393; Ленинский сборник XXX, стр. 280—300.

предполагал собрать свои написанные ранее и вновь подготовленные очерки «о значении и роли национальных движений, о соотношении национального и интернационального». «Чаще всего и больше всего,— писал В. И. Ленин в завершенном тексте предисловия к брошюре,— недостатком рассуждений по этому вопросу является отсутствие исторической точки зрения и конкретности». А затем, специально подчеркивая значение социологических методов, добавлял: «Очень обычен провоз всяческой контрабанды под флагом общих фраз. Мы думаем поэтому, что немного статистики окажется весьма неизлишним»³².

Сбор и обработку статистических данных В. И. Ленину полностью осуществить не удалось. Завершенная часть работы включает сводку материалов о национальной принадлежности населения тогдашних государств мира и важные методологические высказывания, прочно вошедшие в историческую науку. «Факты,— читаем в этой работе,— упрямая вещь, говорит английская пословица... Но как собрать факты? как установить их связь и взаимозависимость?

В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*,

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 349.

не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»³³. Приводя эти слова В. И. Ленина, представляется необходимым подчеркнуть, что они высказаны не для чего иного, как для подтверждения правомерности и необходимости статистического подхода к явлениям общественной жизни и к истории освободительного движения.

Конкретным примером ленинской работы в этой области является написанная в 1913 г. статья «Роль сословий и классов в освободительном движении»³⁴. Остановимся на этой работе несколько подробнее. Статья эта показывает, что В. И. Ленин высоко ценил материалы социальной статистики и считал их надежной базой для развернутых оценок общественного движения, причем оценки были и научного, и политического характера. Между прочим, статья эта не является единственной в своем роде. За полтора месяца до названной работы была опубликована статья «Новейшие данные о партиях в Германии», весьма любопытная в методологическом отношении. Основываясь на опубликованных Германским статистическим бюро данных о том, как распределились между политическими партиями голоса городских и деревенских избирателей, В. И. Ленин осуществил в этой статье блестящий анализ классовой структуры немецкого общества. При этом им были сде-

³³ Там же, стр. 349—350.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 397—399.

ланы важные выводы, имеющие как научное, так и политическое значение.

Из сказанного следует, что в марксистских исследованиях по истории революционного движения статистический анализ социального состава участников движения также может и должен занять видное место. Советскими историками уже кое-что сделано в этой области. Статистические подсчеты по второй части первого тома библиографического словаря под ред. А. А. Шилова и М. Г. Карнауховой сделал когда-то Ш. М. Левин³⁵. Результаты своих подсчетов по другим томам того же словаря опубликовал в 1965 г. В. С. Антонов в статье «К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов»³⁶. Занимаясь социальным обликом участников революционного движения в армии с 1856 по 1865 г., автор этих строк опубликовал около двух тысяч биобиблиографических справок, а затем и результаты сделанных по ним статистических подсчетов³⁷. Группа сотрудников Института славяноведения (И. И. Костюшко, И. С. Миллер, Л. А. Обушенкова, В. А. Дьяков) опубликовала подсчеты, касающиеся участников восстания 1863 г. в Польше, Лит-

³⁵ См. Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958, стр. 88.

³⁶ См. «Общественное движение в пореформенной России», [Сб.]. М., 1965, стр. 336—343.

³⁷ См. В. А. Дьяков. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов (Биобиблиографический словарь). М., 1967; *его же*. Численность и состав участников освободительного движения в русской армии в 1856—1865 гг. (Опыт историко-социологического исследования). — «История СССР», 1970, № 1, стр. 27—43.

ве, Белоруссии и на Украине³⁸. Социальный состав матросов русского флота эпохи империализма в тесной связи с развитием в их среде революционных настроений исследовал Д. А. Гаркавенко³⁹.

Необходимо упомянуть, наконец, еще о двух книгах. Первая из них — историко-социологический сборник, выпущенный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в 1970 г.⁴⁰ Он почти целиком посвящен социолого-статистическому анализу сведений об участниках революционной и национально-освободительной борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Довольно большое по объему коллективное исследование посвящено социальному составу участников польского восстания 1830—1831 гг. (его подготовили В. М. Зайцев, Н. П. Митина, Л. А. Обушенкова и автор этих строк). В сборник вошли также статьи С. М. Байковой и З. Я. Тальвирской о социальном облике повстанцев 1863 г. в Белоруссии, статья С. И. Седельникова о численности и составе болгарских революционных организаций конца 60 — начала 70-х годов XIX в. Другая книга — это монография В. М. Зайцева о социальном составе участников восстания 1863 г., охватывающая свыше 20 тыс. персоналий из числа уроженцев Польши, Литвы, Белорус-

³⁸ См. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963». Вильнюс, 1964, стр. 11—28.

³⁹ См. Д. А. Гаркавенко. Социальный состав русского флота в эпоху империализма. — «История СССР», 1968, № 5, стр. 36—56.

⁴⁰ См. «Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран)». М., 1970.

сии и Украины⁴¹. Перечисленные работы содержат результаты социолого-статистической обработки огромного фактического материала, собранного из различных, преимущественно архивных источников и касающегося многих тысяч участников движения.

Параллельно с практическим освоением приемов количественного анализа советские историки усиливали теоретическую разработку соответствующего круга вопросов. Не пытаясь дать исчерпывающий обзор имеющихся работ, назовем наиболее значительные из тех, которые вышли на протяжении последнего десятилетия. Применению кибернетики и вычислительных машин в исторической науке посвятили свои работы В. А. Устинов, Ю. А. Мошков, Х. Э. Палли⁴². В статье В. Е. Полетаева, Ю. А. Полякова и В. А. Устинова, опубликованной в 1968 г., изложен взгляд авторов на соотношение между исторической наукой, конкретными социальными исследованиями и кибернетикой⁴³. Примерно о том же идет речь в статье А. Ф. Килунова,

⁴¹ См. В. М. Зайцев. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973.

⁴² См. В. А. Устинов. Применение вычислительных машин в исторической науке. М., 1964; Ю. А. Мошков. Кибернетика и методы исторического исследования.— «История СССР», 1965, № 6; Х. Палли. Применение математических методов и электронно-вычислительных машин в исторических исследованиях в США.— «История СССР», 1972, № 2.

⁴³ См. В. Е. Полетаев, Ю. А. Поляков, В. А. Устинов. История, конкретные социальные исследования, кибернетика.— «История СССР», 1968, № 4.

вышедшей в свет в 1972 г.⁴⁴ Широкий круг теоретических и методологических вопросов освещен в недавно вышедшей монографии В. А. Устинова и А. Ф. Фелингера о применении в историко-социальных исследованиях электронно-вычислительной техники и прикладной математики ⁴⁵.

Особого внимания заслуживает вышедшая в 1969 г. статья И. Д. Ковальченко «О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях», которая как бы суммирует взгляды советских историков по данному вопросу. Автор статьи пишет, что обращение к этим методам историков «всего диктуется потребностями самой исторической науки, а не является данью моде, как иногда ошибочно полагают». Обосновывая свое мнение, Ковальченко пишет: «Опасения... чрезмерной формализации и упрощения исторического процесса при широком применении в исторических исследованиях методов высшей математики безосновательны. Степень этой формализации определяется не сложностью этих методов самих по себе, а превращением количественного анализа в самоцель... Поэтому историк, — заявляет Ковальченко, — не только должен исходить из того, что количественный анализ — это лишь средство, а не цель исследования, но и уметь выделять для анализа именно те количественные показатели,

⁴⁴ См. А. Ф. Килунов. Применение конкретно-социологических исследований в исторической науке. — «Вопросы истории», 1972, № 1.

⁴⁵ См. В. А. Устинов, А. Ф. Фелингер. Историко-социальные исследования, ЭВМ и математика. М., 1973.

которые в наибольшей мере отражают качественную специфику явления»⁴⁶.

Основной доклад по теме «Цифра, как элемент информации историка» был подготовлен для XIII Международного конгресса исторических наук группой советских ученых под руководством И. Д. Ковальченко⁴⁷. В докладе назван ряд конкретных вопросов, при разработке которых эти методы принесли несомненную и значительную пользу. Так, И. Д. Ковальченко удалось по частично сохранившимся данным о крестьянских хозяйствах Центральной России во второй половине XIX в. выявить общую картину обеспеченности крестьян землей, рабочим и продуктивным скотом, а также характер и динамику расслоения крестьянства в различных районах. Аналогичным способом Д. В. Деопик, занимаясь феодальной Камбоджей, проследил процесс превращения храмовых рабов в зависимое крестьянское население. Имея в своем распоряжении лишь случайные выборки, Ю. Ю. Какх установил долю не способных к выполнению помещичьих повинностей крестьянских хозяйств Северной Эстонии в первой половине XIX в. Все эти и некоторые другие советские историки с помощью количественных методов успешно разрешили ряд задач, связанных с социально-экономическими процессами в разных странах на протяжении XII—XX вв.

⁴⁶ «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 117—118.

⁴⁷ См. Д. В. Деопик, Г. М. Добров, Ю. Ю. Какх, И. Д. Ковальченко (руководитель), Х. Э. Палли, В. А. Устинов. Количественные и машинные методы обработки исторической информации. М., 1969.

Положительные результаты принесло, по мнению авторов доклада, использование количественных методов в исторической демографии (Х. Палли и А. Руусман для Эстонии, И. Д. Ковальченко и В. А. Устинов для Центральной России), при обработке массового археологического материала (Д. В. Деопик и др.), при изучении научно-технического прогресса в СССР (Г. М. Добров) и т. д. В ходе работы применялась различная вычислительная техника, в том числе электронно-вычислительные машины (ЭВМ). Общий вывод, сделанный авторами по данному разделу доклада, звучит так: «...результаты, полученные советскими историками и их зарубежными коллегами, показывают целесообразность и эффективность применения в исторических исследованиях количественных и машинных методов обработки и анализа конкретно-исторических данных»⁴⁸.

Завершающая часть доклада, которая дает теоретическое осмысление достигнутого этапа, содержит ряд принципиальных замечаний относительно задач и возможностей количественного метода. Авторы доклада вполне обоснованно исходят из того, что «в исторических исследованиях отнюдь не все может и должно подвергаться количественной оценке»,

⁴⁸ Там же, стр. 13. Думается, что этот вывод звучит гораздо весомее и обоснованнее, чем неизвестно откуда идущие опасения отдельных ученых, будто применение математических методов — это всего лишь оригинальничание, которое «обрекает на молчание огромный источниковедческий материал», будто математические методы могут привести к «деидеологизации и дегуманизации наук» (см. К. Д. Петряев. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1972, стр. 118—119).

что «правильно определить задачи количественного анализа и верно интерпретировать его результаты можно лишь на основе *предварительного качественного* анализа изучаемых процессов, явлений или объектов»⁴⁹. В методологическом смысле особенно важным представляется вывод о вспомогательной роли всего того, что может дать «социологизация истории». «...Самое широкое применение статистических методов,— заявляют авторы доклада,— не создает никакой новой науки. Количественный анализ — не цель, а лишь средство познания, один из его методов. Из этого следует, что количественный анализ не отменяет других методов исследования»⁵⁰.

Для оценки значения математических методов в общественных науках чрезвычайно важна опубликованная в журнале «Коммунист» теоретическая статья советского философа О. О. Яхота о соотношении между количественным и качественным анализом при изучении социальных процессов⁵¹. В основном она посвящена методологии и методике конкретных социальных исследований. Однако важнейшие критические замечания и выводы автора несомненно относятся к применению количественных методов в истории.

В своей статье О. О. Яхот, во-первых, отмечает, что наиболее рьяными противниками этих методов в буржуазной исторической науке выступают сторонники неокантианства

⁴⁹ Там же, стр. 13—14.

⁵⁰ Там же, стр. 14.

⁵¹ Эти вопросы затронуты и в статье Г. Волкова «Научно-техническая революция: естествознание и обществоведение» («Правда», 11 декабря 1973 г.).

и другие воинствующие идеалисты типа Питирима Сорокина. Что касается противоположного лагеря, то его, по словам Яхота, образуют в основном приверженцы неопозитивизма. «Основная идея социологов-неопозитивистов,— читаем в статье,— состоит в том, что существует якобы один метод изучения действительности, одинаково пригодный для всех отраслей знания — метод количественного анализа».⁵² Во-вторых, Яхот, ни в коей мере не подвергая сомнению полезность математико-статистических методов для обществоведческих исследований, вполне обоснованно предостерегает от неумеренного увлечения ими, ведущего к одной из разновидностей формалистического мышления — к математическому формализму. В-третьих, статья Яхота подчеркивает неразрывное единство количественного и качественного анализа в общественных науках, необходимость постоянно иметь в виду сложную диалектику эмпирического и теоретического уровней социологического исследования. Отмечая, что в общественных науках научное обобщение постоянно требует правильной философской и общесоциологической ориентации, автор статьи справедливо пишет: «Негруппированные, недифференцированные в социальном отношении статистические данные никогда не приведут к познанию сущности социального явления»⁵³.

Заканчивая статью, Яхот делает выводы, которые целиком относятся и к применению

⁵² О. Яхот. О единстве количественного и качественного анализа социальных процессов.— «Коммунист», 1970, № 11, стр. 53.

⁵³ Там же, стр. 56.

количественных методов в исторической науке: «Путь к истине в конкретных социальных исследованиях лежит через сочетание качественного и количественного анализа. С помощью количественных методов можно проникнуть в сущность социальных явлений лишь в том случае, когда эти методы основываются на базе всестороннего качественного анализа, который является наиболее существенной стороной социологического исследования. Только единство количественного и качественного анализа может привести к успеху»⁵⁴.

Все изложенное ограничивает сферу использования математических или количественных методов в истории известными пределами, предостерегает от «цифромании» и в то же время не оставляет сомнения в возможности успешного применения этих методов в значительной части исторических исследований. Однако факты показывают, что рост интереса историков к количественным методам идет довольно медленными темпами. Чем это обусловлено? Думается, что объяснить это следует не столько объективными трудностями (хотя они тоже имеются), сколько тем психологическим барьером, который когда-то возник в сознании многих исследователей и до сих пор остается непреодоленным.

Противники применения количественного метода в истории не совсем учитывают наличие диалектической взаимосвязи между отдельным историческим событием, имеющим свой неповторимый, только ему присущий облик, и целым рядом, совокупностью этих

⁵⁴ Там же, стр. 60.

событий, в которых неизбежно проявляются те или иные исторические закономерности. «...Надо помнить правило, — указывал В. И. Ленин, — что в общественной науке (как и в науке вообще) дело идет о *массовых* явлениях, а не об единичных случаях»⁵⁵. Подтверждая правильность этого положения выводами современной науки и разъясняя кажущееся противоречие между единичным случаем и массовым явлением, О. О. Яхот пишет: «Специфика... статистической закономерности состоит в том, что необходимые и существенные черты, выраженные в ней, относятся не к каждому единичному явлению в отдельности, а ко всей массовой совокупности, статистическому коллективу... Статистическая совокупность — это группа индивидуальных событий, закономерное действие которых проявляется не в каждом из них в отдельности, а именно в массе как целом»⁵⁶. Отыскивая статистические закономерности в массовых явлениях, необходимо, однако, помнить, что сама статистика, как таковая, не в силах полностью вскрыть причинные связи, стоящие за указанными ей закономерностями, что это под силу только соответствующей отрасли науки, выступающей во всеоружии накопленного ею запаса знаний и представлений.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 250.

⁵⁶ О. О. Яхот. Закон больших чисел и социальная статистика. — «Вопросы философии», 1965, № 12, стр. 81.

Заключение

Настоящая работа не является исследовательской монографией, рассчитанной на узкий круг специалистов и обязанной внести нечто принципиально новое в освещение методологии истории. Но это и не учебное пособие, которое должно систематически и в какой-то мере адаптированно изложить основное содержание предмета, как правило, избегая нерешенных и спорных вопросов. Работа задумана и написана в несколько ином жанре. Ее автор, с одной стороны, не претендовал на научные открытия и в своих выводах опирался на имеющуюся литературу. С другой стороны, рассматривая узловые проблемы методологии истории, он старался брать их в историческом развитии, уделяя особое внимание тому, что недостаточно разработано или является остро дискуссионным. При этом возникла необходимость некоторого нарушения пропорций в изложении материала, в концентрации внимания читателя на том, что важно в научном

отношении и актуально в смысле идейно-политическом.

Одна из важнейших задач работы заключалась в том, чтобы очертить круг проблем, входящих в методологию истории, образующих ее общеполитическую часть и так называемую частную методологию. Основное ядро, идейно-теоретическую базу марксистской методологии истории составляют положения исторического материализма. Однако самостоятельное значение имеет для нее ряд гносеологических вопросов, связанных со спецификой исторического познания, а также касающихся методики и техники исторического исследования. Две названные части методологии истории могут успешно функционировать только в неразрывном единстве. Нарушение этого обязательного условия недопустимо, оно может повлечь за собой либо существенные методологические ошибки, либо определенное отставание в исследовательской практике.

При наличии классовых антагонизмов в современном мире не может существовать методологии истории, единой для всех ученых земного шара. В связи с этим существенной задачей книги являлось ознакомление читателя с теми идейно-политическими доктринами буржуазной науки, которые на протяжении ста с лишним лет выступали и выступают против основных положений марксистско-ленинской методологии истории. Особое внимание уделено в этой области явлениям, характерным для того этапа развития общественных наук в капиталистическом мире, который начался после второй мировой войны. Размеры работы не позволили дать сколько-

нибудь цельной характеристики взглядов упоминаемых в ней буржуазных ученых. Отбирая в их высказываниях то, что необходимо для рассматриваемых в книге вопросов, автор старался не отрывать соответствующие положения от доктрины ученого в целом и всегда отсылал читателя к имеющейся литературе.

Далеко не второстепенной задачей работы был, наконец, анализ современного состояния разработки методических проблем исторического познания как в нашей стране, так и за рубежом. Изложение данного круга вопросов сконцентрировано главным образом в двух заключительных главах. Представляется вполне естественным, что характеристика методологии истории на ее сегодняшнем уровне связывается прежде всего с итогами XIII Международного конгресса исторических наук, где присутствовали виднейшие специалисты со всего мира и где значительная часть дискуссий оказалась сосредоточенной вокруг проблем методологии. Думается, что столь же обоснованным является выбор второго стержневого вопроса, а именно тех поисков новой методики исторических исследований, которые породили горячие споры вокруг использования историками так называемого структурализма и применения математических или количественных методов.

Таковы важнейшие задачи, которые ставились при подготовке настоящей работы. Главным в замысле было стремление дать читателю, может быть, и не исчерпывающее полное, зато цельное представление об основных методологических проблемах исторической науки. Им посвящена у нас многочисленная ли-

тература, включающая в свой состав весьма ценные частные исследования, но очень мало работ обобщающего характера. Между тем такие работы необходимы для сотрудников научно-исследовательских учреждений, для преподавательского состава и студентов высшей школы, для пропагандистского аппарата и учителей, для архивных и музейных работников, а отчасти и для тех, кто всерьез интересуется историей, хотя формально она и не является их специальностью. Именно этому читательскому контингенту и адресована книга.

Указатель имен

- Август римск. имп. 88
Августин А. 71—73
Авенариус Р. 71
Андре К.-Г. 166, 167
Андреев И. Л. 157
Андреева Э. А. 158
Антонов В. С. 173
Аппиан 18, 19
Афанасьев В. Г. 162
Багатурия Г. А. 28
Байкова С. М. 174
Барг М. А. 61, 62, 148—
150, 160, 161
Бауэр Б. 25, 84
Беккер Г. 163
Беккер К. 96, 107, 151
Белинский В. Г. 25
Бергсон А. 151
Бердяев Н. А. 72, 74
Беркли Дж. 43
Берлин А. 84
Бернгейм Э. 126
Бессмертный Ю. Д. 160
Бёрк Э. 23
Библер В. С. 108, 112,
113
Бирд 151
Бисмарк О. 104
Блауберг И. В. 155, 156,
159
Блок М. 148
Бобинская Ц. 111, 113,
114, 138, 170
Богатов В. В. 79
Богданов А. 44, 98
Богущая М. 170
Боден Ж. 20
Болтин И. Н. 22
Бонапарт Луи 62
Боргиус В. 87
Босков А. 163
Бродель Ф. 148, 149
Бруни Л. 20
Бувье-Ажан М. 166
Быковский С. Н. 128,
132, 134
Бьондо Ф. 20
Вайнштейн О. Л. 61,
116
Вахтомин Н. К. 26
Вебер М. 54
Вербин А. 119
Виндельбанд В. 65, 106
Вифлеминг Я. 20
Волков Г. 179
Вольтер 22
Воронцов В. П. 81
Гаджиев К. С. 59
Гарин Э. 47
Гаркавенко Д. А. 174

Гвиччардини Ф. 20
 Гегель Г.-В. 25, 43, 72
 Гемпель К. 136
 Гердер И.-Г. 22
 Геродот 17
 Герцен А. И. 25
 Гиббон Э. 22
 Гизо Ф. 24
 Гоббс Т. 22
 Гольман Л. И. 28
 Грановский Т. Н. 25
 Губер А. А. 153
 Гулыга А. В. 50
 Гуревич А. И. 107, 111—
 113, 160
 Данилов А. И. 120, 135,
 160, 161
 Данилова Л. В. 160
 Дарвин Ч. 32
 Деопик Д. В. 177, 178
 Джексон Т. 166
 Джентиле Д. 47
 Дильтей В. 151
 Добров Г. М. 177, 178
 Добролюбов Н. А. 25,
 87
 Дробижева Л. М. 61
 Дробницкий О. Г. 157
 Дружинин Н. М. 134
 Дуткевич Ю. 114
 Дюбюк А. 142, 149, 164
 Дюпрон А. 141
 Дюринг Е. 48, 49, 78,
 82, 84, 85, 95, 99
 Дюркгейм Э. 54
 Дьяков В. А. 170, 173
 Завьялова М. П. 137
 Зайцев В. М. 174, 175
 Зимин А. А. 129
 Иванов В. В. 13
 Иванов Г. М. 47, 109,
 122, 126, 139
 Ирибаджаков Н. 46, 49,
 57, 61, 73, 84, 92, 94, 108

Калябинский Ст. 170
 Кант Э. 43, 101
 Караваев Г. Г. 50
 Карнаухова М. Г. 173
 Карр Э. 58, 73, 74, 92
 Кахк Ю. Ю. 177
 Каченовский М. Т. 24
 Каштанов С. М. 124,
 129, 130
 Кедров Б. М. 52
 Кемден У. 20
 Килунов А. Ф. 175, 176
 Кларк Дж. 92
 Клио 16, 46
 Ковальченко И. Д. 123,
 176—178
 Коллингвуд Р.-Г. 93—
 95
 Кон И. С. 75, 136, 158,
 159
 Кондорсе Ж. 22
 Конт О. 54
 Костюшко И. И. 173
 Кромвель О. 88
 Кроче Б. 47, 75, 151
 Кугельман Л. 88
 Куля В. 111, 113
 Курносов А. А. 124, 129,
 130
 Кюрбисувна Б. 111
 Лавров П. Л. 78—82
 Ланглуа Ш. 105, 133
 Лаппо-Данилевский А. С.
 106, 126
 Леви-Брюль А. 107
 Левин Ш. М. 173
 Левыкин К. Г. 113, 119
 Ленин В. И. 24, 27, 29,
 35—40, 42, 44, 53, 62, 64,
 67, 68, 70, 71, 78, 83—
 85, 98—101, 157, 170—
 172, 182
 Лескевичова Я. 170
 Лессинг Т. 74, 75
 Лефевр Ж. 168

Литвак Б. Г. 118, 119
 Ломоносов М. В. 22
 Лопухов Б. Р. 47
 Лундквист С. 166, 167
 Луцкий Е. А. 130
 Лябуда Г. 111, 127, 129
 Мадиевский С. А. 61
 Макаров М. К. 125
 Макиавелли Н. 20
 Маритен Ж. 73
 Маркс К. 9—11, 18,
 27—29, 31, 32, 34—37,
 41—43, 48, 53, 62, 64,
 65, 69, 71, 74, 76, 82, 83,
 85, 88, 94, 95, 98, 101,
 120, 156, 157, 162
 Марру А. 123
 Мах Э. 71
 Медушевская О. М. 130
 Мейер Э. 55, 56
 Мейнеке Ф. 72, 92
 Мерзон А. Ц. 133
 Меринг Ф. 48
 Местр де Ж. 23
 Миллер И. С. 173
 Минье Ф. 24
 Миськевич Б. 111
 Митина Н. П. 174
 Михайловский Н. К. 76,
 78—83
 Монтескьё Ш. 22
 Мошков Ю. А. 175
 Мошенская В. 111, 120
 121
 Мэтленд Ф. 106
 Мэтрон 169
 Мюри Ж. 166
 Наполеон I 87, 88, 96
 Нейман А. М. 58, 92,
 94
 Нечкина М. В. 49, 50
 Нибур Б.-Г. 24
 Ницше Ф. 59
 Новиков Н. И. 23
 Обушенкова Л. А. 173

Палли Х. Э. 175, 177, 178
 Пантин И. К. 79
 Пападопулос Т. 142—
 144, 149, 165
 Петряев К. Д. 50, 178
 Пиаже Ж. 159
 Пипер И. 73
 Плам Дж. 92
 Платон 43
 Плеханов Г. В. 86
 Плутарх 18
 Полетаев В. Е. 175
 Полибий 18
 Полрейхова Г. 158
 Поляков Ю. А. 175
 Поппер К. 56, 57, 68,
 75, 136
 Приписнов В. И. 50
 Пронштейн А. П. 120,
 122, 123, 131
 Пушкирев Л. Н. 121,
 125, 130, 131
 Пушкин А. С. 23
 Радищев А. Н. 23
 Ранке Л. 59, 103, 104,
 105
 Рид К. 96
 Риккерт Г. 55, 65, 106,
 151
 Робертсон У. 22
 Росту 159
 Рудельсон К. И. 125
 Русинова И. 166
 Руусман А. 178
 Рыбаков Б. А. 135
 Савиньи Ф. К. 24
 Салов В. И. 73, 92, 107
 Салюстий 18
 Сальмон П. 126, 139
 Сахарова Т. А. 159
 Седельников С. И. 174
 Седов М. Г. 78
 Сен-Симон А.-К. 24
 Сеньобос Ш. 105, 106,
 126, 133

Сестан Э. 144, 145, 149
Смит А. 22
Собуль А. 168, 169
Соловьев С. М. 25
Сорокин П. 180
Спартак 18
Спенсер Г. 54
Стефанов Н. 50
Стрельский В. И. 129
Суворов С. 78
Табари 18
Тальвирская З. Я. 174
Татищев В. Н. 22
Тацит 18
Тепп Е. 123
Терешко М. Н. 111, 121,
133, 134, 138
Тихомиров М. Н. 128
Толокнов В. П. 73
Топольский Е. 111, 114,
120, 121, 125, 127, 128
Тьер А. 24
Тьерри О. 24
Уваров А. И. 113, 136—
138
Улащик Н. Н. 131
Ульмер К. 56, 57
Устинов В. А. 175—178
Февр Л. 148
Федосеев П. Н. 53, 60
Фейербах Л. 18, 28, 71,
72
Фелингер А. Ф. 176
Францев Ю. П. 60
Фукидид 18, 19
Фурман А. 119
Фюстель де Куланж
Н.-Д. 105

Хекстер Дж. 148, 150
Цезарь 88
Черепнин Л. В. 120, 130
Чернышевский Н. Г. 25
Черняк Е. Б. 9
Шафф А. 97
Шевеленко А. Я. 166
Шепелев Л. Е. 131
Шидер Т. 73, 146, 147,
149, 165
Шилов А. А. 173
Шлегель Ф. 23
Шнейдер Ж. 167, 168
Шмидт С. О. 121, 124,
131
Шпенглер О. 59
Штайерман Е. М. 160
Щербатов М. М. 22
Эйхгорн Ф. 24
Элекеш Л. 150—152,
158
Энгельс Ф. 10, 11, 18,
27, 28, 31, 32, 34—38,
41—43, 48, 49, 53, 62,
64, 65, 69, 71, 82, 83,
85, 87, 88, 94, 95, 97,
98, 101, 120, 156, 157,
162
Юдин Э. Г. 155, 156,
159
Юм Д. 43, 70, 101
Якубовская С. И. 128
Ясперс К. 84, 92
Яхот О. О. 179—182
Яцунский В. К. 129

- Дьяков В. А.**
Д93 **Методология истории в прошлом и на-
стоящем. М., «Мысль», 1974.**
190 с.

В книге в популярной форме излагаются узловые проблемы марксистской методологии истории, дается критика взглядов буржуазных авторов в области исторического познания. Рассмотрен ряд общеметодологических и специфических проблем и понятий исторической науки: ее предмет и место в системе других наук, поиски «смысла истории», вопрос об истинности результатов познания в этой науке, о понятии исторического факта, исторического источника и т. д.

Дьяков Владимир Анатольевич

**Методология
истории
в прошлом
и настоящем**

Редактор *И. И. Макаров*

Младший редактор *Е. Р. Зазульская*

Оформление художника *А. Б. Коноплева*

Художественный редактор *А. А. Брантман*

Технический редактор *Л. П. Гришина*

Корректор *И. В. Равич-Щербо*

Сдано в набор 29 апреля 1974 г. Подписано
в печать 27 августа 1974 г. Формат 70×90^{1/32}
Бумага типографская № 1. Усл. печатных
листов 7,02. Учетно-издательских листов 6,79.
Тираж 12 000 экз. А 08114. Заказ № 10183.
Цена 22 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Типография изд-ва «Калининградская прав-
да», г. Калининград (обл.), ул. Карла Марк-
са, 18.

22 коп

издательство 'мысль' москва

В составе серии изданы:

Б. И. Марушкин

История в современной
идеологической борьбе

А. С. Протопопов

СССР и международный
рабочий класс в борьбе
за мир